

ИНКВИЗИЦИЯ 2.0

**В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

Как идеология
превращается
в репрессию,
а слово
становится
оружием

ЭРИК ПАТТЕРСОН

Инквизиция 2.0 в современной России

**Как идеология превращается в репрессию,
а слово становится оружием**

Эрик Паттерсон

Оглавление

Введение

Глава 1. Суд над священной книгой: Абсурд начинается в Томске

Глава 2. Фабрика лжи: Как «экспертиза» стала оружием

Глава 3. Садисты в законе: Тоталитарная секта Дворкина

Глава 4. Инквизиция 2.0: Суд как ритуал уничтожения

Глава 5. Наследие революции: от идеологического террора к реальной войне

Заключение

Источники

Введение

Государство — сложный организм. У него есть иммунная система — правосудие, правоохранительные органы, защищающие его от угроз войны, экстремизма и беззакония. Но что происходит, когда эта система выходит из-под контроля? Когда она начинает атаковать не болезнь, а здоровые клетки — мысль, веру, культуру? Что произойдет, когда под видом защиты «традиционных ценностей» запустится конвейер репрессий, работающих на топливе из доносов, невежества и сфабрикованных доказательств?

Эта книга — ответ на эти вопросы. Красной нитью через всё повествование проходит история о том, как в России возродилась идеологическая технология, основанная на нацистских принципах «очищения» и подавления, что в итоге привело к самым мрачным страницам истории.

Эта технология была реализована через систему, в которой группа фанатичных идеологов, называющих себя «сектоведами», получила право определения, что есть «правильная» вера, а что — «деструктивный культ», превращая идеологические ярлыки в инструмент уничтожения.

В центре этой системы — Александр Леонидович Дворкин, человек, превративший подавление инакомыслия в профессию и инструмент государственной политики. Именно он, получив рычаги в Министерстве юстиции, создал разветвленную сеть, состоящую из лояльных «экспертов», ангажированных силовиков и послушных чиновников. Его кредо, цинично брошенное в одном из интервью, стало девизом всей системы: «Я понял, что эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают». И спрашивать стали именно у него и его адептов.

Эта модель не нова. Она — страшное эхо нацистской Германии, где теолог Вальтер Кюннет, глава Апологетического центра, сформировал организованные «чёрные» списки и передал их в гестапо для дальнейших расправ. Дворкин, по сути, реанимировал эту схему в России: сначала — создание «черных списков» и демонизация неудобных групп через СМИ и псевдонаучные публикации, затем — запуск репрессивной машины, опирающейся на сфабрикованные «экспертизы». Экспертиза инструмента для объективного анализа превратилась в юридическую гильотину.

Идеальной иллюстрацией, самой квинтэссенцией этого безумия стал абсурдный процесс 2011 года, развернувшийся в Томске — «Сибирских Афинах», центре науки и просвещения. Объектом стала одна из почитаемых книг человечества — «Бхагавад-гита как она есть», священная книга индуизма.

Это дело, как капля воды, отразило в себе всю механику репрессивной машины: донос местных фанатиков, заказ от ФСБ, некомпетентные «эксперты», готовые подписать любой приговор, и прокуратура, требующая запретить книгу для «предотвращения возможных нарушений».

Томский процесс — это не просто локальный казус. Это отправная точка нашего расследования. Это случай, выявивший системную проблему национального масштаба — проблему, в которой гибнет свобода совести, здравый смысл и само понятие справедливости.

Глава 1.

Суд над священной книгой: Абсурд начинается в Томске

Томск. Старинный сибирский город, раскинувшийся на берегу Томи. Город студентов, ученых, резных деревянных теремов и интеллектуальной элиты, по праву носящий неофициальное звание «Сибирских Афин».

Кажется, сама атмосфера здесь, пропитанная духом просвещения и академической свободы, должна была стать непреодолимой преградой для средневекового мракобесия. Но именно здесь, в стенах Ленинского районного суда, в августе 2011 года развернулось действие, которое иначе как театром абсурда назвать было невозможно. На скамье подсудимых оказалась книга. Не пособие по изготовлению взрывчатки, не манифест террористической группы, а один из величайших памятников мировой духовной литературы — «Бхагавад-гита как она есть».

Для последователей индуизма по всему миру это священное писание, сравнимое по значимости с Библией для христиан или Кораном для мусульман. Это диалог между воином Арджуной и богом Кришной на поле битвы Курукшетра — философский трактат о природе долга, душе и смысле жизни, оказавший колоссальное влияние на Гегеля, Шопенгауэра, Толстого и десятки поколений мыслителей. Однако в глазах томской прокуратуры этот памятник мировой литературы предстал опасным экстремистским материалом, «разжигающим ненависть и унижающим человеческое достоинство».

Это было не спонтанное событие, не случайное недоразумение. Судебному процессу предшествовала многолетняя, методичная травля, организованная на местном уровне. И чтобы понять, почему искра вспыхнула именно в Томске, нужно перенестись на несколько лет назад, в небольшую деревню Кандинка, расположенную в тридцати километрах от города.

Здесь, в живописном месте, несколько семей последователей Общества сознания Кришны решили построить небольшое поселение, своего рода ашрам. Они выкупили землю, получили разрешения и начали строительство домов. Но мирная жизнь в гармонии с природой и своей верой продлилась недолго. Их появление стало костью в горле для одного человека — Максима Степаненко, на тот момент руководителя миссионерского отдела Томской епархии РПЦ и редактора православного портала «К Истине».

Степаненко развернул бурную деятельность. Он начал ездить по окрестным деревням, собирать местных жителей и проводить с ними «разъяснительные беседы», запугивая рассказами о кришнаитах как о членах деструктивной тоталитарной секты. В ход пошёл весь арсенал чёрной пропаганды: последователей обвиняли в разврате, подготовке ритуальных убийств православных священников, педофилии и наркоторговле.

Степаненко рассылал доносы во все инстанции, требуя остановить «экспансию сектантов». Эта кампания по разжиганию ненависти принесла свои плоды. Испуганные жители Кандинки на очередном сходе проголосовали за то, чтобы запретить кришнаитам рядом строить дома. Девять человек подписали составленное Степаненко письмо губернатору с протестом против «поселения сектантов».

Конфликт дошёл до суда. Первый процесс закончился в пользу кришнаитов, но вскоре «внезапно выяснилось», что приобретённая ими земля входит в границы природного заказника. Кто и когда определил эти границы — выяснить так и не удалось. Все последующие суды кришнаиты проиграли.

В апреле 2011 года, по решению суда, несколько капитальных, почти достроенных домов в Кандинке были снесены бульдозерами. А уже в мае того же года Департамент природных ресурсов Томской области отменил собственное решение, на основании которого и был произведён снос.

Это была первая победа Степаненко, но он не собирался останавливаться. В своем блоге он позже с нескрываемой гордостью и цинизмом признавался в своих методах: *«...руками МВД, ФСБ и Прокуратуры начал преследовать, и уничтожать даже дома сектантов (простите, мирных, непьющих, «белых и пушистых» верующих, непринадлежащих РПЦ МП)... Да, я такой, признаюсь...»*.

Снос домов был лишь прелюдией. Главный удар был нацелен в сердце веры — в священную книгу. И здесь на сцену выходят силовые структуры. В октябре 2010 года сотрудник УФСБ по Томской области Дмитрий Великоцкий обращается к декану философского факультета Томского государственного университета (ТГУ) Сергею Аванесову с просьбой организовать «исследование» книги «Бхагавад-гита как она есть» на предмет экстремизма. Аванесов, будучи не только деканом, но и преподавателем Томской духовной семинарии, а также активным деятелем миссионерского отдела, возглавляемого все тем же Степаненко, охотно берется за дело. К работе он привлекает еще двух коллег — доцента-философа Валерия Свистунова и филолога Валерия Наумова. Ни один из них не являлся индологом, санскритологом или хотя бы специалистом по восточным религиям.

25 октября 2010 года «экспертное заключение» было готово. На сорока страницах трое ученых мужей из ТГУ, основываясь, как выяснится позже, на антисектантских сайтах и собственных предубеждениях, обнаружили в древнем тексте и комментариях к нему «признаки разжигания религиозной ненависти», «унижение достоинства человека по признакам пола, расы, национальности» и прочие атрибуты экстремизма. Документ лег под сукно почти на восемь месяцев.

А 29 июня 2011 года происходит событие, которое можно считать ключевой уликой, разоблачающей весь сговор. За день до официальной подачи иска в суд Максим Степаненко публикует на своем сайте «К Истине» статью, где громит

«Бхагавад-гиту», используя формулировки и цитаты, текстуально совпадающие с теми, что содержались в секретном, еще не обнародованном заключении ФСБ. Утечка была очевидной и указывала на прямую связь между местным «активистом» и силовыми структурами. Конвейер был запущен.

30 июня 2011 года прокурор Томска Виктор Федотов подает заявление в Ленинский районный суд. Колесо правосудия, а точнее, его имитации, медленно пришло в движение.

Первое судебное заседание 12 августа 2011 года сразу же задало тон всему процессу. Зал был набит журналистами, правозащитниками и последователями Общества сознания Кришны. На улице стояли одиночные пикеты с плакатами, цитирующими роман Рэя Брэдли «451 градус по Фаренгейту» и Конституцию РФ. Атмосфера была наэлектризованной.

Сторона защиты, представленная юристами Александром Шаховым и Михаилом Фроловым, сразу же нанесла мощный удар по позиции обвинения. Они поставили под сомнение легитимность самой экспертизы. И тут же получили неожиданное подкрепление: представитель Томского государственного университета официально заявил, что вуз не уполномочивал своих сотрудников на проведение данного исследования, и оно является их частным мнением. Фундамент обвинения затрепал по швам.

Прокурор Марина Осипова, представлявшая обвинение, выглядела растерянной. На вопрос судьи Галины Бутенко о том, имеются ли факты совершения реальных преступлений, связанных с чтением или распространением книги, она была вынуждена признать, что таких фактов нет. И тогда прозвучала фраза, ставшая символом всего этого дела: *«Заявление в суд сделано, чтобы предотвратить возможные преступления экстремистского характера»*. Правосудие, которое судит не за совершенные деяния, а за гипотетическую возможность их совершения — это был новый, пугающий виток в российской юриспруденции.

Но настоящий цирк начался на следующих заседаниях, когда в суд для допроса были вызваны сами «эксперты». Их выступления превратились в акт публичного саморазоблачения.

18 августа первым давал показания Сергей Аванесов, руководитель группы. Он выглядел нервным. Под перекрестным допросом защиты он признался, что лично

исследованием почти не занимался, а в основном выполнял организаторские функции и редактировал текст. На прямой вопрос судьи, видит ли он в книге прямое возбуждение розни, Аванесов ответил отрицательно. Он признал, что в книге есть утверждения об исключительности пути сознания Кришны, но тут же добавил, что такая исключительность существует в текстах любой религиозной традиции. В то же самое время Аванесов признал, что в некоторых местах «Бхагавад-гиты как она есть» этот момент подчёркивается очень жёстко, с использованием таких слов, как «свиньи», «ослы» и др. Судья Бутенко парировала, напомнив библейское выражение «не мечите бисер перед свиньями», которое при желании тоже можно счесть оскорбительным. Аванесов согласился, что он, как человек терпимый, не оскорбился бы, но кто-то другой мог бы и оскорбиться. Следовательно, подытожил Аванесов, в такой ситуации необходимо обращаться за разъяснениями непосредственно к носителям традиции. В целом на вопросы о наличии оскорбительных слов и выражений Аванесов отметил, что «однозначного ответа на эти вопросы нет». По сути, он расписался в полной субъективности и несостоятельности своих выводов.

Следующим был Валерий Свистунов. Он пошел еще дальше. Свистунов честно признался, что отнесся к работе «творчески», что это было не строгое научное исследование, а скорее философское эссе. На тот момент ни о какой экспертизе речь даже не шла. Он не стал скрывать, что с книгой «Бхагавад-гита как она есть» знаком с 1980-х годов, но прочитал её только сейчас. Свистунов отметил, что при постановке перед ним задачи проведения философского исследования он не был ограничен в выборе необходимой литературы для анализа. И самое главное, он заявил, что при написании своей части заключения активно пользовался материалами с «антисектантских сайтов», содержащих критику учения кришнаитов и их литературы. Это было равносильно признанию в том, что эксперт-криминалист составлял заключение на основе слухов с улицы. Более того, Свистунов сказал, что точку зрения, противоположную антисектантской, он даже не изучал. А на вопрос о наличии оскорбительных и уничижительных высказываний в тексте ответил, что таковых не обнаружил.

Финал этому фарсу подвел 29 августа филолог Валерий Наумов. Он попытался объяснить свою методологию, которую назвал «компонентным анализом». Суть метода, по его словам, заключалась в том, что «контекст не учитывается, а текст раскладывается на минимальные семантические единицы». Проще говоря, он искал в книге «негативные» слова, такие как «глупец», «демон», «невежда»,

вырывал их из тысячелетнего философского контекста и на этом основании делал вывод об оскорбительном характере текста. На вопрос о том, что означает его формулировка — что некие фразы «могут восприниматься» как призыв к насилию, — Наумов невозмутимо пояснил, что он использует слово «может» в том смысле, что «может восприниматься, а может и не восприниматься».

Зал с трудом сдерживал смех. Это была уже не экспертиза, а софистика — издевательство над логикой и наукой.

Первоначальная экспертиза, единственное основание для иска, рассыпалась в прах на глазах у суда. Любой здравомыслящий прокурор на этом месте отозвал бы иск и извинился. Но система не привыкла отступать.

30 августа прокуратура, сделав вид, что ничего не произошло, ходатайствовала о назначении новой судебной комплексной психолого-лингвистической религиоведческой экспертизы, на этот раз в Кемеровском государственном университете. Экспертами выбраны три сотрудника: религиовед Алексей Горбатов (заведующий кафедрой истории и теории культуры, доктор исторических наук), лингвист Михаил Осадчий (кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики), психолог Сергей Дранишников (преподаватель). Ни социологи, ни философы среди специалистов заявлены не были.

Защита протестовала, указывая на предвзятость предложенных экспертов. Было отмечено, что Алексей Горбатов некомпетентен в вопросах индуизма. В сферу его научных интересов входит история Русской Православной Церкви, а его основные публикации посвящены истории христианства в Сибири. Представители защиты также обратили внимание суда на конфессиональную ангажированность Горбатова, ранее выступавшего в качестве соавтора публикаций архиепископа Кемеровской и Новокузнецкой епархии РПЦ. Они также указали на тот факт, что Сергей Дранишников не имел учёной степени. А лингвист Михаил Осадчий уже имел опыт составления экспертных заключений для судов, на основании которых 18 изданий Свидетелей Иеговы были запрещены к распространению на территории России. При этом Осадчий использовал такой же сомнительный «компонентный анализ», как и Наумов.

Но судья, связанная процессуальными нормами, ходатайство удовлетворила. Дело ушло на новый виток, затягиваясь еще на несколько месяцев.

В октябре 2011 года в защиту томских кришнаитов выступила уполномоченная по правам человека в Томской области — Нелли Кречетова, женщина редкой порядочности и внутренней силы.

Она открыто назвала судебное разбирательство «абсурдом» и направила обращение в адрес городского прокурора с просьбой отозвать иск. В эфире «Эхо Москвы» Кречетова спокойно, но твёрдо напомнила очевидное: *эту книгу считают священной почти миллиард человек по всему миру, и на протяжении двадцати лет она свободно распространяется в России.*

Она подчеркнула, что за всё это время не было зафиксировано ни одного случая проявления экстремизма, связанного с её распространением. А значит, возможный запрет *нарушил бы основополагающее конституционное право человека — свободу совести и вероисповедания.*

Кречетова напомнила, что «Общество сознания Кришны» является официально зарегистрированной организацией, и попытка признать экстремистскими только комментарии к тексту, а не саму «Бхагавад-гиту как она есть», — юридически несостоятельна, ведь комментарии являются неотъемлемой частью книги.

Позже, выступая в сюжете «Пятого канала», Кречетова предупредила: если книгу признают экстремистским материалом, под угрозой окажется вся организация кришнаитов. Она с сожалением отмечала, что именно Томск — город с богатыми университетскими и научными традициями — оказался местом, где разворачивается подобный процесс.

На пресс-конференции в декабре того же года она произнесла слова, ставшие квинтэссенцией её позиции: *«Дело не только в кришнаитах и в том, что я хочу их защитить... Есть конституционное право у людей, будь то православные, будь то католики, протестанты, мусульмане, будь то кришнаиты — у людей есть право, и оно называется свобода вероисповедования. И это право им дано не кем-то, а от рождения. Есть такие права, которые людям даны потому, что они люди... Нарушение этого права, я считаю — все, что происходит с кришнаитами».*

Её слова прозвучали просто и по-человечески: закон не должен превращаться в оружие против тех, кого он призван защищать.

Тем временем скандал вырвался на международную арену. Новости из далекого сибирского города дошли до Индии. Реакция была мгновенной и яростной. Парламент Индии, Лок Сабха, дважды прерывал свою работу из-за бурных протестов депутатов, требовавших от правительства защитить их священную книгу. По улицам индийских городов прокатились антироссийские демонстрации. Министр иностранных дел Индии Соманahalли Маллайя Кришна назвал происходящее «чистым абсурдом», который мог быть «спровоцирован невежественными и введенными в заблуждение людьми». Посол России в Индии Александр Кадакин был еще более резок, заявив в интервью, что, «видимо, в прекрасном городе Томске нашлись свои сумасшедшие».

Этот беспрецедентный дипломатический скандал, очевидно, оказал свое влияние. Машина дала сбой.

28 декабря 2011 года состоялось итоговое заседание. Были заслушаны результаты кемеровской экспертизы, которая, как и ожидалось, оказалась противоречивой: религиовед не нашел в книге экстремизма, тогда как лингвист и психолог (без ученой степени) — нашли. Защита представила пять разгромных рецензий от ведущих ученых РАН, МГУ и РГГУ, не оставивших от кемеровского заключения камня на камне. После прений судья Галина Бутенко удалилась для вынесения решения. Напряжение в зале достигло предела.

Вердикт прозвучал как гром среди ясного неба для стороны обвинения. Суд не нашёл в книге «Бхагавад-гита как она есть» ни признаков экстремизма, ни призывов к насилию, ни унижения чьего-либо достоинства.

Это была победа здравого смысла над абсурдом, права над беззаконием. Казалось, справедливость восторжествовала.

Адвокат Александр Шахов, выйдя из зала суда, сказал журналистам: *«Это решение судьи показывает, что Россия становится действительно демократическим обществом».*

Пока громкие события занимали первые полосы новостей, свою тихую работу продолжали те, кто шаг за шагом пытался докопаться до сути — выяснить, откуда вообще растут корни этого дела.

Среди них был профессор философии Сибирского государственного медицинского университета, доктор наук Николай Карпицкий.

Ещё летом 2011 года он следил за процессом: присутствовал на заседаниях, собирал документы, фиксировал детали, стараясь понять, как из правовой процедуры сделали инструмент расправы над священным текстом. Когда стало ясно, что суд превращается в фарс, Карпицкий поступил по-своему — провёл собственное расследование.

По данным правозащитной организации «Форум 18», 2 января 2012 года он опубликовал в своём блоге в «Живом журнале» обстоятельный разбор всех версий, пытаясь понять, кто стоял за этим механизмом и зачем всё было запущено.

В своём исследовании Карпицкий отверг предположение о том, что инициаторами могли быть томские учёные, подписавшие экспертизу. Он подчеркнул: сами авторы заключения — преподаватели Томского государственного университета — в суде фактически отказались от своих выводов, а университет официально сообщил, что комиссия действовала без ведома ректората. Это исключало возможность внутреннего заговора.

Учёный рассматривал и московскую версию — о директиве «сверху», — но не нашёл убедительных доказательств. Его внимание привлёк другой факт: с октября 2010 по июнь 2011 года ФСБ тщательно скрывало подготовку к процессу, однако за день до подачи иска на сайте томской епархии появилась статья миссионера Максима Степаненко, где слово в слово повторялись формулировки из экспертного заключения, ещё не поступившего в суд.

Из этого Карпицкий сделал логичный вывод: если бы дело велось по секретным указаниям из Москвы, такой «прокол» был бы невозможен. Следовательно, наиболее вероятным инициатором процесса являлся именно Степаненко — местный церковный деятель, превративший миссионерскую риторику в донос, а кафедру богословия — в оперативный отдел идеологической войны.

В финале своего анализа профессор задавал вопросы: сколько стоил нам как налогоплательщикам затеянный без всякого повода суд над книгой, и почему ответственные лица доверяют не ученым-специалистам, а безграмотным провокаторам?

Его расследование стало символом гражданской доблести — тихого сопротивления системе, привыкшей действовать без огласки.

Решение суда стало торжеством разума над абсурдом — и всё же эта победа оказалась лишь короткой передышкой. Это был не конец войны: прокуратура немедленно подала апелляцию.

Февраль 2012-го стал для Томска временем выбора. Пока одни пытались найти ответы в науке и здравом смысле, другие искали врагов.

25 февраля в стенах Томского экономико-юридического института прошёл круглый стол «Социальное и правовое значение суда о признании «Бахагавад-гиты как она есть» экстремистским материалом».

Открывая встречу, начальник департамента культуры Андрей Кузичкин говорил не о политике, а о человеческом уважении: «Стабильность — это наш инвестиционный капитал», — заметил он, подчеркнув, что истинное согласие возможно лишь при взаимном уважении культур и вероисповеданий.

В зале присутствовали и учёные из Москвы, Тюмени, Новосибирска, Барнаула и Челябинска. Среди них — профессор Николай Карпицкий и уполномоченная по правам человека Нелли Кречетова.

Конференция стала своего рода манифестацией здравого смысла: обсуждая итоги томского процесса, участники единогласно заявили, что обвинять религиозные тексты в экстремизме недопустимо.

Для полноты картины организаторы направили приглашения представителям прокуратуры, Министерства юстиции и ФСБ — чтобы разговор получился действительно открытым и многогранным. Но ни одно из ведомств так и не пришло: их стулья в зале остались пустыми.

Звучали и острые признания.

Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета Ольга Орлова рассказала, что к ней обращались представители УФСБ по Томской области с предложением подготовить экспертизу книги с обвинительным уклоном. Она отказалась.

В своём выступлении Орлова подчеркнула: наука не должна служить чьим-то идеологическим целям. Поэтому сегодня как никогда важно создание независимого экспертного сообщества — объединения специалистов из разных

областей знания, способных противостоять произволу и давать честные, научно обоснованные заключения.

Итогом конференции стала резолюция, подписанная шестьюдесятью четырьмя участниками — учёными, философами, историками. В документе говорилось, что применять понятие экстремизма к таким текстам, как «Бхагавад-гита как она есть», невозможно. Экспертиза, положившая начало делу, была названа непрофессиональной и ангажированной; её авторов — людьми, не обладающими должной квалификацией. В резолюции также выражалось недоверие председателю экспертного совета при Минюсте Александру Дворкину: *«Обращаем внимание государства и общества на острую проблему правоприменительной практики Федерального закон «О противодействии экстремистской деятельности», которая допускает сегодня злоупотребления по отношению к религиозным организациям».*

Но пока в одном конце города говорили о науке, культуре и ответственности за слово, в другом звучали совсем иные голоса.

В Томск прибыл человек, для которого религия давно превратилась в поле идеологической войны. Александр Дворкин — главный идеолог антисектантского движения, некогда называвший себя «борцом с сектами», а на деле ставший символом охоты на инакомыслящих.

Он прибыл в Томск как тяжёлая артиллерия — чтобы вернуть обвинению утраченный контроль над информационным пространством. Через пресс-конференции, телеинтервью и публичные выступления Дворкин начал методично формировать нужный образ врага.

В его словах «секта» вновь превращалась в приговор, а «борьба за духовную безопасность» — в оправдание для травли и страха.

Он стал одним из самых активных публичных защитников позиции томской прокуратуры.

Ещё до приезда в Томск, в интервью радио «Коммерсантъ FM», Дворкин заявлял, что комментарии Бхактиведанты Свами Прабхупады содержат «жёсткие высказывания» о людях, не исповедующих кришнаизм, называя их «ослами» и «баранами». Он утверждал, будто книга «оскорбляет чувства верующих других конфессий» и «несёт страшный человеконенавистнический потенциал».

В другом интервью «Известиям» он называл Международное общество сознания Кришны «типичной тоталитарной сектой», «сетью агентов влияния Индии» и утверждал, что кришнаиты «пополняют бюджет Индии колоссальными суммами» — через паломничества, пожертвования и религиозный туризм. По его мнению, именно поэтому «светское правительство Индии лоббирует интересы кришнаитов».

В конце февраля Дворкин вместе с руководителем миссионерского отдела епархии Максимом Степаненко провёл пресс-конференцию в агентстве «Интерфакс-Сибирь», выступил в Томском госуниверситете с антисектантской лекцией и дал серию интервью местным СМИ.

В них он вновь говорил о «тоталитарной секте», «политическом проекте индийского правительства» и «ужасах религиозного фанатизма». В своих публичных выступлениях он настаивал, что «Бхагавад-гита как она есть» — «вольный и не слишком квалифицированный перевод», а само движение несёт «опасность для общества».

Риторика Дворкина, насыщенная обвинениями и угрозами, контрастировала с научной добротой и уважением, царившими на конференции.

Если там говорили о культуре, диалоге и взаимопонимании, то здесь — о страхе, подозрениях и врагах.

Томск стал ареной, где столкнулись два мира — мир знаний и мир идеологий, мир, где искали истину, и мир, где искали виновных.

Давление усиливалось с каждым днём: статьи, лекции, лозунги — всё ради одного — сломить тех, кто отстаивал правду. Но сила оказалась не в громких речах, а в спокойной уверенности тех, кто знал: правда не нуждается в защите, она просто есть.

Это было прямое воздействие на областной суд, но и оно не помогло.

21 марта 2012 года коллегия Томского областного суда под председательством Ларисы Школяр отклонила апелляцию прокуратуры, оставив в силе решение судьи Бутенко. Книга была окончательно оправдана.

Казалось бы, здравый смысл восторжествовал. Но система не прощает тех, кто идет против нее. Судьба людей, осмелившихся защитить книгу и закон, стала мрачным эпилогом к этой истории. Уполномоченная по правам человека в

Томской области Нелли Кречетова, назвавшая иск «абсурдом», была досрочно отправлена в отставку. Начальник департамента по культуре Андрей Кузичкин, поддержавший проведение научной конференции в защиту книги, был уволен, против него возбудили уголовное дело, и он был вынужден просить политического убежища в Эстонии. Профессор Николай Карпицкий, проводивший собственное расследование и указавший на Степаненко как на зачинщика, был уволен из двух университетов и также покинул Россию. Телеканал ТВ2, который открыто критиковал прокуратуру и честно освещал происходящее, был просто отключён от эфира и закрыт.

Система показала свои клыки. Даже проиграв битву, она отомстила тем, кто посмел ей противостоять. Томский процесс закончился, но конвейер ненависти, лишь на мгновение остановившись, готовился к запуску с новой, еще более разрушительной силой. Этот абсурдный суд в сибирской глубинке стал лишь первой главой большой и страшной книги о том, как государство под маской духовности научилось оправдывать насилие над совестью.

Глава 2.

Фабрика лжи:

Как «экспертиза» стала оружием

Провал первой атаки на «Бхагавад гиту как она есть» в декабре 2011 года, завершившийся ясным и недвусмысленным решением судьи Галины Бутенко, мог показаться триумфом здравого смысла. На мгновение показалось, что правосудие, пусть и с трудом, смогло отторгнуть инородное тело сфабрикованного обвинения. Но если система завела маховик, одна неудача его не остановит. Система не признаёт ошибок — она лишь меняет тактику. Поражение в первом раунде для неё не повод для раскаяния, а сигнал о том, что инструмент был подобран неточно. Значит, его нужно переточить, усовершенствовать — и нанести удар снова.

Прокуратура, проигнорировав международный скандал и разгром в собственном суде, подала апелляцию. И пока юристы готовили бумаги,

идеологические кураторы процесса уже приводили в действие «план Б». Если первая «экспертиза» оказалась слишком топорной и рассыпалась от первого же прикосновения критической мысли, значит, нужна была новая. Более респектабельная. Более научнообразная. Созданная людьми, которые не дрогнут на допросе и не признаются в «творческом подходе».

Так начался второй акт драмы, в котором на сцену вышла сама технология фабрикации обвинений — холодная, циничная и беспощадная. Именно здесь, при вскрытии «экспертных заключений», мы обнаруживаем бьющееся сердце всей репрессивной машины. Это не просто ошибка, не халатность и не заблуждение. Это — конвейер. Фабрика по производству лжи, где «экспертиза» превратилась из инструмента познания в оружие массового идеологического поражения.

Чтобы понять, как работает эта фабрика, необходимо вернуться к ее первому, бракованному изделию — «Комплексному экспертному заключению» за подписью сотрудников Томского госуниверситета Аванесова, Свистунова и Наумова. Его публичный разгром в суде стал примером того, как псевдонаука, столкнувшись с реальностью, съезживается и признает собственную несостоятельность.

На допросе «эксперты» выглядели не как грозные обличители, а как провинившиеся школьники:

- Сергей Аванесов, декан философского факультета и формальный руководитель группы, признал, что лично исследованием не занимался, а лишь «выполнял организаторские функции».
- Валерий Свистунов, философ, беззастенчиво заявил, что его основным источником информации были публикации с православных антисектантских сайтов — то есть, он черпал «знания» из тех же источников, что и инициаторы процесса.
- Валерий Наумов, филолог, раскрыл суть своего метода, названного «компонентным анализом». Он просто выискивал в священном тексте слова, которые считал негативными («глупцы», «невежество»), полностью игнорируя философский и культурный контекст. На вопрос, что значит его вывод «может восприниматься как уничижительное», Наумов невозмутимо ответил: «Я использую слово "может" в том смысле, что "может восприниматься, а может и не восприниматься"».

Это не было научной ошибкой. Юридический язык четко разделяет два понятия: «экспертная ошибка» и «заведомо ложное заключение». Разница между ними принципиальна:

Экспертная ошибка — это непреднамеренное заблуждение, вызванное сложностью объекта, недостатком данных или добросовестным неверным толкованием.

Заведомо ложное заключение — это умышленное действие. Это сознательное искажение фактов, игнорирование существенных свойств объекта, использование ненаучных методов и подгонка выводов под заранее известный результат.

Давайте применим эту норму к действиям «экспертов» по делу «Бхагавад-гиты»:

- **Умышленное игнорирование контекста (метод Наумова)** — не ошибка, а сознательный отказ от базовых принципов филологии.
- **Использование предвзятых и недостоверных источников (признание Свистунова)** — не ошибка, а прямое нарушение научной методологии.
- **Плагиат и искажение цитат (доказано защитой по экспертизе Томского государственного университета)** — не ошибка, а умышленная фальсификация.
- **Конфликт интересов (связь Аванесова с РПЦ)** — не ошибка, а наглядное свидетельство предвзятости.

Все эти действия указывают не на добросовестное заблуждение, а на умышленную фабрикацию доказательств. Поведение томской тройки полностью подпадало под это определение. Они не ошиблись. Они сознательно сфабриковали вывод, используя плагиат с сайтов, пишущих под заказ, манипулируя цитатами и применяя методы, не имеющие ничего общего с наукой. Их задачей было не исследовать, а обвинить.

Когда стало ясно, что первое заключение не выдерживает никакой критики, прокуратура затребовала новую экспертизу, поручив ее Кемеровскому государственному университету. Это был показательный момент: система не отступила, а лишь задействовала более «надежные» кадры.

На этот раз в команду «экспертов» вошли люди с репутацией:

- Максим Осадчий, лингвист, уже известный своими заключениями по делам против «Свидетелей Иеговы».
- Алексей Горбатов, религиовед, специалист по истории РПЦ и соавтор публикаций с архиепископом.
- Сергей Дранишников, психолог.

Защита сразу указала на ангажированность этого состава, но суд ходатайство отклонил. Конвейер заработал снова. Однако даже этот, казалось бы, более профессиональный состав не смог создать монолитный обвинительный документ. Заключение Кемеровского государственного университета треснуло изнутри.

Религиовед Алексей Горбатов — единственный, кто был обязан разбираться в сути вопроса, — пришел к выводу, что признаков возбуждения религиозной вражды в книге нет. Это был оглушительный провал для обвинения. Но его коллег это не смутило.

Лингвист Осадчий и психолог Дранишников, чьи выводы местами совпадали дословно, «обнаружили» и унижение достоинства «по признаку отношения к религии», и «пропаганду неполноценности» тех, кто не следует учению, и даже «ограничение свободы женщин». Их работа была вершиной казуистики и подмены понятий, о которой позже скажет юрист защиты Михаил Фролов: *«Любой комплимент может быть оценен как пропаганда превосходства. Любая критика, любая негативная оценка, сатира может быть оценена как пропаганда неполноценности».*

Они цеплялись к словам «неразумные», «глупцы», «демоны», вырванным из философских комментариев, трактуя их как прямые оскорбления. Они игнорировали тот факт, что в любой религиозной или философской системе есть разделение на праведников и грешников, мудрецов и невежд, последователей и оппонентов. Следуя их логике, Библию можно запретить за слова о «фарисеях, лицемерах» и «гробах окрашенных», а Коран — за критику неверных.

Даже сами кемеровские «эксперты» были вынуждены признать, что прямых призывов к насильственным действиям в книге нет. Это ключевой момент, ведь именно наличие таких призывов является главным критерием экстремизма по

закону. Но в логике фабрики ненависти это неважно. Цель — не найти экстремизм, а назначить его.

Сам «религиовед» Горбатов позже с обезоруживающей прямоотой сформулировал кредо таких «специалистов»: *«Я — специалист-религиовед, но я не обязан быть специалистом по каждой религии».*

Эта фраза — эпитафия на могиле научной добросовестности. Это пароль для входа в мир, где ученая степень — лишь прикрытие для выполнения заказа, а экспертиза — ритуальное действие, легитимизирующее расправу.

На фоне этого парада псевдонауки особенно громко прозвучал голос настоящего академического сообщества. Пока прокуратура пыталась реанимировать дело с помощью кемеровских «экспертов», на защиту книги выступили десятки ведущих российских ученых из Института востоковедения РАН, Института философии РАН, МГУ, РГГУ и других научных центров.

Представленные ими рецензии рассыпали обвинение как карточный домик. Они объясняли, что термины, которые «эксперты» сочли оскорбительными, являются неотъемлемой частью санскритской философской лексики. В своих заключениях специалисты прямо указывали, что критика материализма в книге — это не «возбуждение вражды», а часть многовековой философской полемики.

Пожалуй, самую точную и беспощадную оценку происходящему дал известный религиовед Борис Фаликов. Его слова стали диагнозом для всей системы: *«Данный судебный процесс свидетельствует о низком культурном уровне сотрудников силовых ведомств... Ещё более опасной... является "имитация правосудия", сопровождаемая "имитацией экспертной деятельности", для осуществления которой "в интеллигентской среде изыскиваются люди не только малограмотные, но и не обремененные "моральными предрассудками". Эта гремучая смесь и позволяет им обвинить в экстремизме памятник мировой литературы или помочь засадить на долгие годы невинного человека».*

«Имитация экспертной деятельности» — вот ключевая формула. Это не поиск истины. Это создание юридического фантома, который можно положить в основу обвинительного приговора. Это технология, позволяющая превратить любого носителя неугодных власти идей — религиозных, философских, политических — в «экстремиста».

Дело «Бхагавад-гиты» вскрыло этот механизм с предельной точностью. Оно показало, что «антикультовая фабрика лжи» — это не метафора. Это реально существующий конвейер, на одном конце которого — донос представителя антикультизма, а на другом — судебное решение, калечащее судьбы и уничтожающее свободу. Томский процесс провалился лишь потому, что изделие оказалось слишком грубым, а шум от работы станка — слишком громким, привлечшим внимание всего мира.

Но фабрика не была демонтирована. Она лишь усовершенствовала свои технологии и приготовилась к выпуску новой продукции. И чтобы понять, кто является ее директором и главным инженером, нам придется переместиться из сибирского города в самый центр этой паутины.

Глава 3.

Садисты в законе:

Тоталитарная секта Дворкина

В каждой трагедии есть свой архитектор. В каждом механизме террора есть тот, кто задумал его, привел в действие и дал команду начать. Когда мы смотрим на руины человеческих судеб, оставленные фабрикой по производству дел, мы видим исполнителей: безликих прокуроров, послушных судей, трусливых «экспертов». Но за их спинами неизменно стоит тот, кто превратил их в орудия своей воли — тот, кто создал идеологию ненависти, вооружил её псевдонаучной доктриной и встроил её в государственный аппарат.

Чтобы понять, как Россия — страна, когда-то победившая фашизм, — в XXI веке оказалась в тисках новой, гибридной инквизиции, нужно понять феномен Дворкина.

Это не просто история одного человека. Это история болезни, поразившей само государственное тело. Это механизм расширения власти, начинающийся в душе обиженного и властолюбивого человека, а затем достигающий коридоров Министерства юстиции, залов судебных заседаний и кабинетов следователей ФСБ.

Александр Дворкин — не борец за веру. Он — идеолог репрессий превративший борьбу с «сектами» в борьбу с инакомыслием. Человек, находящий удовольствие в уничтожении всего, что не вписывается в его картину мира.

Его оружие — слово: клеветническое, но облечённое в форму «экспертного заключения». Слово, которое калечит судьбы, разрушает общины и превращает закон в его собственную противоположность.

Он создал чудовищно эффективный механизм юридического террора, где роль доносчика исполняет «активист», роль следователя — «эксперт», а роль палача — судья — либо из страха, либо из идейной преданности.

Десятки запрещённых книг, сотни сфабрикованных дел, тысячи искалеченных жизней, ликвидированные религиозные общины и беженцы, ищущие спасения за пределами родины, — всё это прямые плоды его многолетней деятельности.

Понять, как один человек смог подчинить себе государственную машину и превратить борьбу с инакомыслием в прибыльную индустрию, невозможно, не раскрыв его личность, не разобрав его методы и не увидев в нём не ученого или общественного деятеля, а хладнокровного и циничного манипулятора.

Эта глава — рассказ о человеке, который, говоря о других, постоянно смотрит в зеркало.

Мы проследим его путь — от пациента психоневрологического диспансера до главного «сектоведа» страны.

Мы разберём структуру созданной им организации — деструктивного культа, замаскированного под научное сообщество. И покажем, как за маской православного миссионера скрывается холодный и расчётливый кукловод, упивающийся властью и чужими страданиями.

Это история о том, как человек, одержимый идеей превосходства, сумел превратить государство в орудие своей личной вендетты против целого мира.

Генезис инквизитора: от пациента до «патриарха» антикультовой сети

Чтобы понять мотивы взрослого человека, иногда необходимо заглянуть в его прошлое. Биография Александра Дворкина, тщательно задокументированная в различных расследованиях, — это не просто череда событий. Это ключ к пониманию его психологии, его одержимости и его методов. Это история формирования личности, для которой борьба с «врагами» стала не просто профессией, а смыслом жизни.

Путь будущего «главного сектоведа» России начинается не в духовной семинарии и не на философском факультете. Он начинается в кабинете врача. В 1970-х годах, еще в Советском Союзе, молодой Александр Дворкин на протяжении четырех лет состоял на учете в Психоневрологическом диспансере. В его медицинской карте, согласно архивным данным, фигурировали диагнозы, которые многое объясняют в его последующем поведении: циклотимия (легкая форма биполярного расстройства, характеризующаяся резкими перепадами настроения), патологическое развитие личности и психофизический инфантилизм.

Это не просто медицинские термины. Это описание личности, склонной к эмоциональной нестабильности, заикленности на собственных обидах, черно-белому восприятию мира и жажде признания. Личности, для которой весь мир делится на тех, кто «с нами», и тех, кто «против нас». Последние подлежат безусловному осуждению и уничтожению, потому что их само существование воспринимается как личное оскорбление. Именно эта инфантильная, нетерпимая к любой критике и сложности картина мира и легла в основу его будущей «сектоведческой» доктрины.

В 1977 году Дворкин эмигрирует в США. Этот период он позже будет описывать как время духовных поисков, но факты говорят о другом. В Америке он находит идеальную среду для реализации своих наклонностей. По свидетельствам исследователей Он был связан с печально известной CAN (Cult Awareness Network). Это был не кружок интеллектуалов, обеспокоенных духовным здоровьем нации. CAN была радикальной, по сути преступной группировкой, практиковавшей насильственное «депрограммирование» — похищение людей, которых их родственники считали попавшими в «секту», с последующей изоляцией и жесткой психологической обработкой. Это был бизнес на страхе и семейных трагедиях. Одним из ключевых исполнителей был некий Рик Росс, уголовник, которому тюремный психиатр поставил диагноз «социопатические наклонности». Именно в этой среде, среди людей с криминальным прошлым и садистскими наклонностями,

Дворкин проходил свое «боевое крещение». В рядах антикультового движения он получил свой первый и главный урок: инакомыслие можно не только критиковать, его можно и нужно подавлять силой. Дворкин впитал технологию демонизации оппонента и научился оправдывать любое насилие «высшими целями».

Его карьера в CAN оборвалась внезапно. В 1990-х деятельностью организации, накопившей сотни исков о похищениях, незаконном лишении свободы и психологическом насилии, заинтересовались жертвы и суды. Американское правосудие, в отличие от будущего российского, не увидело в деятельности «депрограмматоров» ничего благородного. Федеральный суд Чикаго признал CAN виновной в заговоре по похищению и депрограммингу, оштрафовав на \$1.8 млн. Это, вместе с исками саентологов, привело к банкротству в 1996 году и ликвидации организации.

В 1991 году, когда над его американскими учителями ступили тучи, Дворкин спешно покидает США. Он перебирается в Германию. А в 1992 году, после распада СССР, он возвращается в Россию.

В 1993 году он основывает в Москве собственный «Информационно-консультационный центр имени священномученика Ириней Лионского». С этого скромного кабинета и начинается строительство его будущей империи. Он берет на вооружение немецкий и американский опыт, при этом модернизируя многие аспекты. Например, Он понимает, что в российских условиях насильственное «депрограммирование» — слишком рискованный и малоэффективный путь. Гораздо эффективнее — заставить государство делать за тебя всю грязную работу. Не нужно самому похищать «сектантов», если можно добиться запрета всей их организации через суд. Не нужно самому убеждать людей, если можно заткнуть им рот с помощью закона «Об экстремизме».

Дворкин начинает свою деятельность с главного — с языка ненависти. В одном из своих трудов он прямо напишет эту формулу:

«В числе прочего Оруэлл открыл такой закон: тот, кто контролирует язык человека, контролирует его сознание».

И он сам начинает внедрять в общественное сознание и, что еще важнее, в лексикон чиновников и силовиков, убийственное клеймо — «тоталитарная секта». Этот термин, не имеющий строгого научного определения и отвергаемый большинством профессиональных религиоведов, в его руках становится

универсальным оружием. Он предельно прост и эффективен. Он не требует доказательств, он играет на страхах человека — на страхе перед тоталитаризмом, ГУЛАГом, «промыванием мозгов». Назвав любую группу «тоталитарной сектой», можно больше ничего не объяснять. Враг обозначен, и с ним можно делать все что угодно.

Свою философию, свое кредо он сформулировал с обезоруживающим цинизмом в одном из интервью, которое стало ключом к пониманию всей его деятельности. Эта фраза должна быть высечена на здании каждого суда, где слушается дело, сфабрикованное его последователями: *«Я понял, что эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают»*.

В этой формуле — вся суть созданной им системы. Не важна истина. Не важна компетенция. Не важна научная объективность. Важно лишь одно: чтобы тебя спросили «правильные» люди, и ты должен дать им «правильный» ответ. Наука превращается в услугу. Экспертиза — в заказное убийство репутации. И спрашивать стали именно у него.

Он начинает активную публичную деятельность: пишет книги, где под видом научного анализа смешивает факты, слухи и откровенную ложь; выступает в СМИ, создавая себе образ главного и единственного в стране специалиста по «сектам»; и, самое главное, он начинает «просвещать» и приобщать к своей антикультовой деятельности силовиков. Дворкин и его соратники проводят десятки семинаров и лекций для сотрудников ФСБ, МВД, прокуратуры, судей, чиновников региональных администраций. На этих семинарах они вкладывают в головы людей в погонах и мантиях свою примитивную и агрессивную картину мира. Весь сложный мир религии редуцируется до простой схемы: есть традиционное, «правильное» православие, и есть все остальные — враждебные, опасные, «тоталитарные секты», которые являются либо агентами западных спецслужб, либо просто мошенниками, охотящимися за квартирами и душами доверчивых граждан.

Параллельно он выстраивает организационную структуру. Его центр имени Ирины Лионского становится ядром, вокруг которого возникает целая сеть — РАЦИРС, Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Это не научное общество. Это, по сути, готовая модель, которую можно повторять в любом городе — схема по производству ненависти. РАЦИРС объединяет под своей эгидой региональные «миссионерские отделы» и «информационно-консультационные

центры», как правило, тесно связанные с местными епархиями РПЦ. Руководителями этих центров становятся такие люди, как печально известный по томскому делу Максим Степаненко, — фанатичные, невежественные, но чрезвычайно активные «борцы с сектами». Они становятся глазами, ушами и руками Дворкина на местах. Они собирают «компромат», пишут доносы, провоцируют конфликты и инициируют обращения в правоохранительные органы. Они — рядовые солдаты его армии.

Методология, которой Дворкин обучает своих адептов, проста и чудовищна. Ее квинтэссенцию выразил один из его ближайших соратников, ответственный секретарь РАЦИРС Александр Кузьмин, который на одном из семинаров прямо наставлял своих последователей: *«Не смущаться обвинениям со стороны сектозащитников в разжигании межрелигиозной розни и нетолерантности»*.

Это прямой призыв к нарушению закона. Разжигайте, клеветайте, обвиняйте — цель оправдывает средства. И они не смущались. В одном из своих блогов Максим Степаненко с гордостью признавался, как он «руками МВД, ФСБ и Прокуратуры начал преследовать, и уничтожать даже дома сектантов». Он не видел в этом ничего зазорного. Он был уверен в своей правоте, потому что за ним стояла система, созданная Дворкиным, и идеология, которая оправдывала любой садизм «высшими интересами».

Кульминацией восхождения Дворкина к власти стал 2009 год. В этот год происходит событие, которое можно считать точкой невозврата, моментом, когда частная идеологическая группировка окончательно слилась с государством. Александр Дворкин, человек без профильного религиозного образования, с сомнительной репутацией и опытом работы в американской криминальной структуре, назначается председателем Экспертного совета по проведению государственной религиозной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Институт, который должен был защищать свободу совести и вероисповедания, был полностью подчинён фанатичному идеологу. В состав совета вошли его ближайшие соратники по РАЦИРС, включая того самого Александра Кузьмина, чья собственная листовка ранее была признана судом экстремистским материалом. Лиса была назначена сторожить курятник.

С этого момента Дворкин получает в свои руки мощнейший административный ресурс. Теперь он может не просто писать доносы, а давать официальные государственные заключения. Он может влиять на регистрацию

религиозных организаций, инициировать проверки, представлять своих людей как законных «экспертов». Его частная война с инакомыслием становится государственной политикой. Механизм репрессий, до этого работавший в полуподпольном режиме, выходит на проектную мощность.

Этот конвейер, как мы уже видели на примере томского дела, работает по простой и отлаженной схеме. Сначала — идеологическая демонизация «врага» через публикации и выступления Дворкина и его сети. Затем — инициация дела на местном уровне через адепта типа Степаненко. Затем — подключение «обработанных» силовиков, которые заказывают «экспертизу». Заказ поступает к проверенному, лояльному «эксперту» из круга РАЦИРС, который, используя псевдонаучную методологию и расплывчатые формулировки антиэкстремистского законодательства, подготавливает заключение с заранее предопределённым обвинительным выводом. И, наконец, прокуратура, вооруженная этой бумагой, идет в суд, где дело рассматривает судья, который либо сам прошел «просветительские» семинары Дворкина, либо просто боится идти против системы. Круг замыкается. Приговор предрешен.

Исторические параллели, которые проводят исследователи деятельности Дворкина, ужасают своей точностью. Его модель — это практически точная калька с практики нацистской Германии 1930-х годов. Там действовал теолог Вальтер Кюннет, глава так называемого Апологетического центра при лютеранской церкви. Центр Кюннета занимался тем же, чем сегодня занимается РАЦИРС: он составлял «черные списки» религиозных меньшинств — Свидетелей Иеговы, мормонов, теософов, — объявлял их «политически неблагонадежными», «антигосударственными» и «еврейско-пацифистскими», а затем передавал эти списки вместе с «богословскими» обоснованиями в гестапо для дальнейшей расправы. Под прикрытием «защиты веры» центр фактически выполнял роль идеологического отдела карательной системы: он определял, кого считать врагом, и давал казням моральное и «научное» оправдание. Кюннет был идеологическим подрядчиком машины террора. Его циничное кредо, которое вполне мог бы произнести и сам Дворкин, звучало так: *«Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему»*.

Российский преемник, по сути, воскресил на отечественной почве эту нацистскую модель, заменив гестапо на ФСБ, а «еврейско-пацифистские» группы на «тоталитарные секты».

Созданная им РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) стала точным аналогом Апологетического центра Кюннета. Она также занимается составлением «черных списков» («тоталитарных сект»), их демонизацией через подконтрольные СМИ и «научные» публикации. А затем, через сеть своих адептов и обработанных на семинарах силовиков, запускает государственную машину репрессий, которая, как и гестапо, опирается на «экспертные» доносы.

В современной России она маскируется под «защиту традиционных ценностей» и «борьбу с экстремизмом», пряча свою репрессивную природу за благочестивыми лозунгами.

Но её суть остаётся прежней — выявление и уничтожение идеологического врага. Дворкин не изобрёл ничего нового: он лишь адаптировал старую, проверенную технологию тоталитарного террора к современным российским реалиям. И эта технология оказалась пугающе эффективной.

Сеть спрута: Как устроена тоталитарная секта РАЦИРС

Чтобы понять масштаб созданной Дворкиным системы, нужно осознать: РАЦИРС — это не кружок по интересам для православных активистов. Это жестко структурированная, иерархическая организация, построенная по всем канонам тоталитарного культа, с несменяемым лидером, культом его личности, собственной идеологией, нетерпимостью к критике и четким разделением мира на «своих» и «чужих». Это и есть «тоталитарная секта Дворкина», стремящаяся к власти над умами и, как следствие, к контролю над религиозной политикой целой страны.

На вершине этой пирамиды стоит сам Александр Дворкин — гуру, патриарх антикультового движения и верховный арбитр, решающий, кто достоин считаться «традиционной религией», а кто подлежит анафеме и уничтожению.

Среди них выделяются такие персонажи, как протоиерей Александр Новопашин из Новосибирска — автор брошюры «Христос и Кришна. Свет и тьма», где Кришна прямо назван дьяволом; ответственный секретарь РАЦИРС Александр Кузьмин из Саратова, чья листовка «Осторожно секта! Международное общество сознания Кришны» была признана экстремистским материалом Центральным судом Хабаровска в 2009 году, что не помешало ему в том же году войти в состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы

при Минюсте РФ; исламовед Роман Силантьев, активно выступавший за запрет книги «Бхагавад-гита как она есть» в ходе томского дела 2011-2012 годов.

Эти люди — не просто соратники. Это наместники Дворкина, его полномочные представители, проводящие его политику на федеральном уровне. Их задача — идеологическое обеспечение репрессий, выступления в СМИ, лоббирование нужных законов и участие в конференциях, где они, подобно своему учителю, клеймят «врагов».

Следующий уровень пирамиды — региональные «комиссары». Это руководители миссионерских отделов и «информационно консультационных центров» по всей стране. Классический пример такого функционера — бывший единомышленник Дворкина Максим Степаненко из Томска. Это «пехота» Дворкина, его глаза и уши на местах. Именно они выполняют самую грязную работу: ведут слежку за «сектантами», собирают на них компромат, пишут доносы в ФСБ и прокуратуру, организуют травлю в местной прессе и провоцируют конфликты. Их признания порой поражают своей откровенностью. Тот же Степаненко с гордостью хвастался в своем блоге: *«Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса...»*.

Но главным достижением Дворкина, его стратегическим триумфом, стало установление идеологического влияния на государственные институты. Человек с сомнительным прошлым и диагнозами из психоневрологического диспансера, назначается **председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ**.

Именно с этого система по массовому созданию «экстремистов» и разжигателей ненависти заработал в полную силу.

Механизм, отточенный годами, прост и эффективен:

- **Идеологическая обработка силовиков.** Дворкин и его адепты проводят десятки «семинаров по профилактике экстремизма» для сотрудников ФСБ, МВД, прокуратуры, судей. На этих лекциях они вбивают в головы госслужащих свои примитивные штампы: «тоталитарная секта», «контроль сознания», «деструктивный культ». Они создают атмосферу

паранойи, в которой любой инакомыслящий видится потенциальным врагом.

- **Заказ.** Региональный «комиссар» (вроде Степаненко) или обработанный на семинаре силовик инициирует проверку неудобной группы.

- **Фабрикация «доказательств».** Заказ на «экспертизу» передается проверенному, лояльному «специалисту». Этот человек, не утруждая себя научным анализом, пишет нужное заключение, находя «экстремизм» там, где его нет, используя методы, подобные «компонентному анализу» Валерия Наумова.

- **Юридическое оформление.** Прокуратура, получив на руки эту филькину грамоту, подает иск в суд. При этом расплывчатые формулировки антиэкстремистского законодательства позволяют криминализировать любую критику или утверждение об истинности своей веры.

- **Судебный ритуал.** Суд, часто не желая вникать в тонкости и идти против «официального экспертного мнения», проштамповывает обвинительный приговор.

Этот конвейер, созданный Дворкиным, — идеальная машина для подавления инакомыслия. Она создает видимость законности, опирается на «научные» данные и использует государственный аппарат как инструмент для расправы. Именно эту машину мы и увидели в действии в Томске. Дело «Бхагавад-гиты» было не просто судом. Это была публичная презентация тоталитарной секты Дворкина и ее возможностей.

Портрет садиста: Дворкин в своих собственных словах

Ничто так не раскрывает сущность человека, как его собственные слова. В случае с Александром Дворкиным его многочисленные интервью, лекции и книги — это не просто тексты. Это развернутый автопортрет, на котором за маской православного миссионера и ученого проступают черты циничного манипулятора, человека, одержимого властью и получающего садистское удовольствие от унижения своих оппонентов. Он сам, не осознавая того, дает нам ключи к пониманию своей психологии.

Презрение к людям и дегуманизация. Главный прием любого пропагандиста, готовящего почву для репрессий, — это расчеловечивание врага. Враг не должен восприниматься как человек, имеющий право на собственное мнение. Его нужно превратить в животное, в демона, в нечисть — Дворкин владеет этим искусством в совершенстве. Рассуждая о «Бхагавад-гите как она есть» в интервью, он с презрением бросает: «В ней есть очень жёсткие высказывания о том, что люди, не исповедующие кришнаитскую веру, являются ослиами, баранами».

Так Дворкин приписывает книге то, что сам и практикует — голословное унижение инакомыслящих. В его логике всё предельно просто: кто не согласен, тот не человек, а «осёл» или «баран», недостойный ни уважения, ни диалога.

Оправдание насилия. Садист не просто ненавидит, он наслаждается страданием. И если он не может применить насилие сам, он находит способы его оправдать. В том же интервью о «Бхагавад-гите» Дворкин произносит чудовищную по своему цинизму фразу, вырванную из контекста и извращенную до неузнаваемости: *«Человек, совершающий убийство в сознании Кришны, не совершает преступления»*.

Он использует эту страшилку, чтобы демонизировать кришнаитов, но одновременно он транслирует собственную замороженность идеей насилия, совершаемого во имя высшей цели. Это логика любого инквизитора: если убийство совершается «во имя высшей цели», оно перестает быть преступлением. В этой фразе — индульгенция на любое беззаконие, которую он мысленно выписывает сам себе и своей системе.

Цинизм и жажда власти. Пожалуй, самой показательной и разоблачающей является мысль Дворкина о сути экспертизы: для него эксперт — это прежде всего фигура, на которую обращаются по необходимости, а не человек, обладающий глубокой компетенцией. Именно этот подход лег в основу созданной им системы псевдоэкспертных заключений, где такие люди, как Аванесов, Свистунов и Наумов, оказались востребованы не благодаря профессиональным знаниям в области индуизма, а только потому, что о их мнении запросили «нужные» инстанции.

Проекция и самолюбование. Психологам хорошо известен механизм проекции: человек приписывает другим те черты и мотивы, которые присущи ему самому, но в которых он боится себе признаться. Высказывания Дворкина — это

хрестоматийный пример такой проекции. Его знаменитая фраза идеальное тому подтверждение: *«Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром и к власти над всеми — на то она секта»*.

Он говорит о других, но с пугающей точностью описывает цели и методы своей собственной организации. Антикультовая сеть, проникшая в Минюст, в Госдуму, в силовые структуры, вербуемая адептов по всей стране и за рубежом, — это и есть секта, стремящаяся к тотальной власти в своей сфере.

Говоря о «сектантах», Дворкин постоянно говорит о себе. Это своего рода нарциссическое самолюбование, замаскированное под обличие. Давайте применим «17 признаков тоталитарных сект», о которых Дворкин упомянул в своей книге «Сектоведение», к его же собственной организации — Российской ассоциации центров изучения религий и сект:

- **В группе ты найдешь именно то, что до сих пор напрасно искал.** Адептам РАЦИРС предлагается простая и ясная картина мира, чувство причастности к «великой миссии» по спасению России от угроз национальной безопасности, и Церкви от конкурентов.

- **Мировоззрение группы ошеломляюще просто и объясняет любую проблему.** Все зло в мире — от «сект». Любая проблема в семье или обществе легко объясняется их «тлетворным влиянием».

- **У группы есть учитель, медиум, вождь или гуру. Только он знает всю истину.** Александр Дворкин — непререкаемый авторитет, «патриарх сектоведения», чье слово — закон, а мнение не подлежит сомнению. Его книги — священное писание, его семинары — богослужения.

- **Твоя группа — это элита. Остальное человечество тяжело больно и глубоко потеряно.** Только они, «сектоборцы», знают истину. Все остальные — либо заблудшие «сектанты», либо продажные «сектозащитники», либо некомпетентные ученые.

- **Группа требует абсолютного и беспрекословного соблюдения своих правил и дисциплины.** Методология РАЦИРС, спускаемая из центра, должна неукоснительно применяться на местах. Любое отклонение или сомнение в правоте «линии партии» не приветствуется.

- **Язык группы специфичен.** «Тоталитарная секта», «деструктивный культ», «контроль сознания», «бомбардировка любовью» — эти наукообразные, но пустые по сути термины создают барьер между «посвященными» и внешним миром.

- **Группа отграничивает себя от остального мира.** Адептам внушается, что доверять можно только «проверенным» источникам — сайтам и публикациям самой РАЦИРС. Вся остальная информация, особенно научная критика, объявляется «сектантской пропагандой».

- **Организация жестко регламентирует жизнь своих членов.** Это проявляется в идеологической регламентации: как думать, кого считать врагом, как действовать.

- **Критика и сомнения внутри группы подавляются.** Любой, кто осмеливается критиковать методы Дворкина, немедленно объявляется «агентом сект».

Этот список можно продолжать. Российская ассоциация центров изучения религий и сект — это классический пример организации с культом личности лидера, черно-белым мышлением, нетерпимостью к инакомыслию и агрессией по отношению к внешнему миру.

И именно отсюда вытекает то, что становится центральной сутью его деятельности: власть как самоцель. Он построил свою секту, единственная цель которой — власть. Власть решать, кто имеет право верить, а кто нет. Власть уничтожать тех, кто ему не нравится. Власть заставлять государство служить своим фобиям и амбициям. И в этой жажде власти и контроля проявляется его глубинная, садистская сущность.

Его не интересует истина. В многочисленных судебных процессах он и его адепты проигрывали раз за разом, когда сталкивались с настоящими учеными и независимыми судьями. Но каждое поражение лишь раззадоривало его. Ему удовлетворение приносят не победы в честной дискуссии, а сам процесс травли, унижения и уничтожения оппонента. Он получает удовольствие, наблюдая за страданиями людей, чьи дома сносятся бульдозерами, чьи семьи разрушены, чьи организации признаны «экстремистскими». Это подтверждает его силу, его значимость.

В одном из интервью после выигранного им дела против газеты он с нескрываемым злорадством заявил: *«Я удовлетворен результатами судебного процесса. Впервые в России привлечена к ответственности неопятидесятническая газета, распространявшая клеветнические измышления. Полагаю, что этот урок пойдет впредь — и впредь наши оппоненты трижды подумают, прежде чем сообщать в прессе заведомую ложь»*.

В этих словах — весь Дворкин. Не торжество правды, а торжество силы. Не радость от установления истины, а наслаждение от того, что оппонент наказан и запуган. Он не борется с сектами за сектантов, как он лицемерно заявляет. Он борется с инакомыслием ради самого процесса борьбы, ради власти, которую эта борьба ему дает.

Александр Дворкин — это не ученый, не богослов и не общественный деятель. Это циничный и опасный политический технолог, который нашел свою нишу в атмосфере страха и подозрительности постсоветской России. Он сумел продать государству свой главный товар — образ врага. И государство, отравленное имперскими комплексами и паранойей, с готовностью этот товар купило, предоставив ему полную свободу действий для создания инквизиции XXI века.

Так **носитель диагноза «патологическое развитие личности» стал главным диагностом духовного здоровья целой страны**. Человек, перенявший у Вальтера Кюннета методы идеологического преследования, составления «чёрных списков» и работы с образом врага, сделал их основой своей практики. Человек, отработывавший техники психологического давления у американских уголовников, стал наставником российских силовиков. Человек, построивший собственную тоталитарную секту, получил монополию на борьбу с «сектами». Этот трагический парадокс — и есть самая точная и страшная характеристика той системы, которую построил Дворкин. Системы, где садисты получили законное право мучить своих жертв.

Конспириология как инструмент

Чтобы оправдать свою войну, он постоянно прибегает к теориям заговора. Он не может признать, что люди могут свободно выбирать свою веру. За любым инакомыслием ему мерещится рука врага, шпионская сеть, политический проект.

Это классическая логика сталинских процессов: любой, кто не согласен с линией партии (в данном случае — с линией Дворкина), — иностранный агент, шпион, враг народа. Эта риторика не только демонизирует оппонентов, но и позволяет оправдать любые репрессии против них как «защиту национальной безопасности».

Собранные воедино, эти цитаты рисуют портрет человека глубоко деструктивного, одержимого манией преследования, нетерпимого к любой форме инакомыслия и упивающегося своей властью над судьбами людей. Его публичные выступления — это не проповедь и не научная дискуссия. Это сеансы ненависти, где он, подобно тоталитарному вождю, клеймит врагов и мобилизует своих последователей на священную войну.

Месть системы: уроки томского поражения

И все же, в Томске эта отлаженная машина дала сбой. Уникальное стечение обстоятельств — международный скандал, беспрецедентное давление со стороны Индии, принципиальность судьи Галины Бутенко и блестящая работа защиты — привело к тому, что антикультовая сеть проиграла. Книга была оправдана. Казалось бы, справедливость восторжествовала.

Но то, что произошло дальше, стало самым страшным и самым показательным уроком этого дела. Система, потерпев поражение в суде, развернула кампанию мести против тех, кто посмел ей противостоять. Это и есть почерк настоящего тоталитаризма: он не прощает инакомыслия.

- Нелли Кречетова, уполномоченная по правам человека в Томской области. С самого начала называла иск абсурдным и позорным. Она писала обращения, выступала в СМИ, использовала весь свой административный ресурс для защиты конституционных прав граждан. Вскоре после завершения дела, в апреле 2013 года, Кречетова была досрочно отправлена в отставку решением областной Думы. Система не простила ей принципиальности.

- Андрей Кузичкин, начальник департамента по культуре Томской области. Он не побоялся поддержать проведение научной конференции в защиту «Бхагавад-гиты» в стенах Томского университета, предоставив площадку для выступления настоящих ученых. Расплата последовала

незамедлительно. Вскоре после смены губернатора он был уволен. А затем против него было сфабриковано уголовное дело о якобы мошенничестве. Кузичкин, спасаясь от неминуемого ареста, был вынужден бежать из страны. В итоге он получил политическое убежище в Эстонии. Человек, защитивший честь своего города и своей страны, был изгнан из нее как преступник.

- Николай Карпицкий, доктор философских наук, профессор. Он не просто выступил в суде как консультант. Он провел собственное блестящее расследование и в своем блоге первым публично назвал имя главного зачинщика процесса — Максима Степаненко, доказав его связь с ФСБ. Этому ему не простили. Сначала его уволили из Сибирского государственного медицинского университета, где он преподавал 15 лет. Затем, когда он нашел работу в Югорском государственном университете, его уволили и оттуда. Формальным поводом стала поездка Карпицкого на научную конференцию в Киев. Лишенный возможности работать по профессии, он также, как и Кузичкин, был вынужден эмигрировать.

- ТВ2 — телекомпания новостей в Томске. Власти пытались закрыть её много раз, но долго не могли найти формального основания. Претензии доходили до абсурда. Например: в уставе было прописано, что телеканал вещает «на Томск», а радиоволны по физическим законам распространяются по окружности и уходят за пределы города. Делался вывод: «несоответствие уставу», «нарушение». То есть физика нарушает законы России. Когда даже эти придирки не сработали, телеканал просто отключили от эфира — прямым приказом, без объяснений и без ссылки на закон. А затем, на основании того, что он «не вещает», закрыли окончательно. Важно сказать: ТВ2 была первой независимой телекомпанией в Советском Союзе и последней независимой эфирной телекомпанией в современной России. Больше таких не осталось. Они могли говорить правду и позволяли себе иронию — даже в адрес прокуратуры.

Судьбы Кречетовой, Кузичкина, Карпицкого, сотрудников телекомпании ТВ2 — это не просто личные трагедии. Это доказательство того, что машина, созданная Дворкиным и его покровителями, нацелена не только на уничтожение «секта». Она нацелена на уничтожение любого проявления независимой мысли, чести и совести. Она требует не просто молчания, она требует соучастия. Тот, кто отказывается играть в ее ритуальных играх, сам становится жертвой.

Провал в Томске не уничтожил репрессивную систему, выстроенную Дворкиным. Напротив, он его закалил. Уроки были извлечены. Система поняла, что нужно действовать тоньше, еще плотнее работать с судебным корпусом, еще активнее давить на независимых экспертов и журналистов. Технологии, отработанные и усовершенствованные после томского процесса, через несколько лет лягут в основу сотен других дел. Дел, которые приведут к полному запрету и ликвидации таких организаций, как Свидетели Иеговы, к реальным тюремным срокам для тысяч их последователей, к конфискации имущества и к фактическому уничтожению свободы совести в России.

Дело «Бхагавад-гиты» не стало финалом. Это был лишь пролог, своего рода испытание нового подхода. И хотя в тот раз попытка оказалась неудачной, Александр Дворкин продолжил развивать и совершенствовать применяемые методы. Механизм по превращению инакомыслящих в «экстремистов» заработал в полную силу, раскинув свою зловещую тень по всей стране.

Глава 4.

Инквизиция 2.0:

Суд как ритуал уничтожения

Эта глава — попытка показать, как государственная машина превращается в инструмент разрушения человеческих жизней. Мы подробно рассмотрим практики, которые условно назвали «Машиной ненависти». Технологии, превратившей российское правосудие в Инквизицию 2.0 — современную, гибридную, использующую вместо костров залы заседаний, вместо дыбы — психологическое давление, а вместо палача в капюшоне — улыбчивого «эксперта» с докторской степенью. Томский процесс стал ее публичной презентацией, но сама она работала задолго до него и продолжает работать по сей день, штампуя «экстремистов» из всех, кто осмеливается мыслить, верить или говорить не так, как предписано.

Система, созданная Дворкиным и его последователями, гениальна в своей простоте и беспощадна в своей эффективности. Она не полагается на случайности. Это четко отлаженный технологический процесс, где каждый этап имеет свою цель, а каждый участник — свою predetermined роль. Анализ «дела Бхагавад-гиты» и десятков других аналогичных процессов позволяет нам реконструировать эту схему шаг за шагом.

Любая война начинается с пропаганды. Прежде чем начать стрелять, нужно создать образ врага и убедить солдат в их праведной миссии. Дворкин и его организация РАЦИРС годами вели именно такую «артподготовку», целенаправленно идеологически обрабатывая сотрудников ФСБ, МВД, прокуратуры и судей.

Под видом профилактики экстремизма и борьбы с агентами западных спецслужб, они проводили десятки, если не сотни, семинаров и лекций по всей стране. На этих мероприятиях, часто закрытых для прессы и общественности, силовикам вбивали в головы примитивную, но крайне эффективную картину мира. В этой картине не было места сложности, диалогу или свободе совести. Был лишь один враг, многоликий и вездесущий, — «тоталитарная секта».

Дворкин давал им простой и удобный язык, новояз, который позволял криминализировать любую неудобную группу. Любая неправославная община — это «культ», «тоталитарная секта». Любой духовный лидер — «гуру, манипулирующий сознанием». Любое учение, отличное от консервативного православия, — «деструктивное». Любой новообращенный — «зазомбированная жертва». Он создавал образ врага, хитрого, безжалостного и вездесущего. Любая непохожесть, любая альтернативная духовность представлялась как угроза национальной безопасности, как происки иностранных разведок. Этот яд, впрыснутый в вены государственной машины, постепенно отравлял ее, превращая из защитника закона в параноидального охотника за призраками.

Эта идеологическая обработка создает необходимый фон. Она готовит почву. Она формирует у людей в погонах и мантиях предубеждение, которое позже, в ходе реального дела, сработает как спусковой крючок. Они уже не будут разбираться, что на самом деле написано в книге или чему учит та или иная группа. У них в голове уже будет стоять клеймо, поставленное «профессором Дворкиным»: «ОПАСНО».

Когда почва подготовлена, нужен тот, кто бросит спичку. В роли таких поджигателей, как правило, выступают региональные адепты сети Дворкина — руководители местных «миссионерских отделов» и «антисектантских центров». Это антикультовая «пехота» — те, кто следит, фиксирует и передаёт наверх всё, что считается «отклонением».

Томское дело — хрестоматийный пример. Главным тараном, пробившим брешь в стене закона, стал местный «сектоборец» Максим Степаненко. Именно он, годами ведя войну против общины кришнаитов, создавал необходимый информационный фон, писал доносы, запугивал местных жителей.

Эти люди — не просто независимые активисты. Они — часть вертикально интегрированной системы. Они получают из центра (от Дворкина и РАЦИРС) идеологическую поддержку, методические материалы и списки «врагов». Их задача — найти повод, спровоцировать конфликт и формально инициировать обращение в правоохранительные органы. Они, как в случае со Степаненко, сами получают садистское удовольствие от своей роли.

Он не просто признается в организации травли с использованием госаппарата. Он гордится этим. Он упивается своей безнаказанностью, своим союзом с силовиками, своей властью над чужими судьбами. Эта смесь фанатизма и цинизма и есть то топливо, на котором работает исполнительный уровень антикультовой сети.

Когда дело инициировано, в игру вступает главный элемент антикультовой схемы — псевдоэкспертиза. В любой правовой системе экспертиза — это сакральный акт, обращение к науке за истиной. В системе Дворкина — это технический этап по производству лжи.

Технология проста и отлажена.

- **Подбор исполнителя.** Заказ на «экспертизу» поступает не в авторитетный научный центр, а к «проверенному», лояльному специалисту. Это может быть преподаватель провинциального вуза, не обремененный научной этикой либо уже зарекомендовавший себя «профессионал» по составлению обвинительных заключений.

- **Искажение задачи.** Вместо объективного исследования текста ставится задача найти в нем признаки экстремизма. Эксперту не говорят «изучи», ему говорят «найди».

- **Применение псевдонаучных методов.** Используются методики, не имеющие ничего общего с наукой. Классический пример — «компонентный анализ» Валерия Наумова, где слова вырываются из контекста и анализируются по словарю. Это позволяет криминализировать любой текст, содержащий критику или негативно окрашенную лексику.

- **Использование предвзятых источников.** Как признался в суде Валерий Свистунов, «эксперты» черпают информацию не из научных трудов, а с пропагандистских антикультулистских сайтов, часто принадлежащих самим же инициаторам процесса.

- **Получение «нужного» результата.** В итоге рождается документ, который, несмотря на всю свою научную несостоятельность, имеет формальные атрибуты экспертизы: подписи людей с учеными степенями, печать вуза (иногда, как в случае с ТГУ, поставленную задним числом или без ведома руководства).

В этой системе экспертиза — это не исследование, а услуга. Услуга по юридическому оформлению доноса.

Получив на руки сфабрикованное, но формально легитимное «заключение», прокуратура подает иск в суд. На этом этапе происходит еще одна чудовищная подмена. Прокурор, который по закону обязан стоять на страже законности, превращается в простого нотариуса, заверяющего идеологический заказ.

В томском процессе это проявилось с ошеломляющей ясностью. Когда судья, пытаясь нащупать хоть какую-то логику в происходящем, спросила у представителя прокуратуры, есть ли хоть один реальный факт совершения преступлений экстремистского характера под влиянием «Бхагавад-гиты как она есть», она получила ответ, который заслуживает быть высеченным на фронто́не здания российского правосудия — как эпитафия.

Прокурор, не моргнув глазом, заявила: *«Заявление в суд сделано, чтобы предотвратить возможные преступления экстремистского характера».*

Вдумайтесь в эти слова.

Это не юридическая ошибка — это позиция: закон существует, чтобы карать, а не защищать. Это логика «Особого мнения» Филипа Дика, где людей арестовывают

за преступления, которые они ещё только могут совершить. Это прямая дорога к «мыслепреступлениям» Оруэлла.

Государство в лице прокуратуры открыто заявило, что берёт на себя право судить не за действия, а за идеи.

Не за то, что человек сделал, а за то, что он прочитал.

Не за реальный вред, а за гипотетическую угрозу, существующую лишь в воспалённом воображении «сектоведов» и их кураторов из ФСБ. С этого момента суд перестаёт быть судом. Он превращается в сцену для разыгрывания спектакля, сценарий которого уже написан. Есть обвиняемый — книга. Есть состав «преступления» — возможность «неправильного» влияния на умы. Осталось лишь одно — найти «научное» подтверждение этой возможности. И на сцену выводят главных актеров этого театра абсурда — «экспертов». Прокурор не расследовал преступление. Он исполнял директиву. Он не защищал общество. Он атаковал инакомыслие, прикрываясь законом, который сам же и нарушал.

Последний этап конвейера — суд. В идеале системы, он должен был стать простым ритуальным действием, формальным актом, который придает беззаконию видимость законности. Расчет строится на том, что судья, заваленный делами и не обладающий специальными познаниями, не станет вникать в тонкости лингвистического или религиоведческого анализа. Он увидит «экспертное заключение» — документ с подписями и печатями — и примет его как истину в последней инстанции.

Судья в этой схеме — не арбитр, а жрец, завершающий ритуал публичного осуждения. Его задача — не найти истину, а огласить приговор, который был написан задолго до начала процесса антикультовыми активистами и поддавшимися их влиянию силовыми структурами.

Томское дело стало уникальным сбоем в работе этой машины именно на последнем, судебном этапе. Судья Галина Бутенко, а затем и коллегия областного суда, проявили редкое для современной России мужество и профессионализм. Они не побоялись пойти против системы. Они вникли в суть дела, подвергли критическому анализу выводы «экспертов», выслушали аргументы настоящих ученых и вынесли решение, основанное на законе и здравом смысле, а не на идеологическом заказе.

Этот сбой обнажил всю конструкцию. Он показал, как должен работать суд, и как он работает на самом деле в сотнях других дел, где судьи оказываются более сговорчивыми или менее смелыми. Но даже эта локальная победа имела свою страшную цену.

Чтобы до конца понять природу инквизиции, нужно перестать воспринимать суд как юридическую процедуру. В делах об «экстремизме» суд — это театр. Жестокий и циничный спектакль, где роли заранее расписаны, а финал известен.

- **На сцене — «еретик».** Это может быть книга, религиозная организация, отдельный верующий. Его вина не в том, что он сделал, а в том, что он *есть*. Его задача в этом спектакле — быть объектом публичного осуждения.

- **Главный свидетель обвинения — «эксперт».** Это не носитель знания, а актер, играющий роль ученого. Его реплики — это наукообразные формулы: «признаки возбуждения розни», «пропаганда неполноценности», «манипуляция сознанием». Его задача — придать абсурду видимость научной обоснованности.

- **Прокурор — режиссер-постановщик.** Он ведет спектакль, отмечая все, что не укладывается в сценарий: ходатайства защиты, заключения независимых специалистов, доводы логики. Он следит за тем, чтобы ритуал шел по плану.

- **Судья — верховный жрец.** Он не ищет истину. Он совершает обряд. Он выслушивает стороны, делает вид, что взвешивает доказательства, а затем зачитывает приговор, который был написан задолго до начала процесса.

Цель этого ритуала — не установление справедливости. Целей несколько, и все они лежат за пределами права:

- **Символическое уничтожение.** Объявляя священную книгу «экстремистской», система не просто запрещает ее распространение. Она символически уничтожает ее, лишает ее сакрального статуса, приравнивая к «Майн Кампф». Это акт духовного убийства.

- **Запугивание.** Каждый такой процесс — это сигнал всем остальным: «Не высовывайтесь. С вами будет то же самое». Это способ держать общество в страхе, подавляя любое инакомыслие в зародыше.

- **Легитимизация власти.** Проводя такие ритуалы, система демонстрирует свою силу, свою способность карать и миловать. Она подтверждает свою власть над умами и душами.

Религиовед Борис Фаликов, анализируя эту систему, нашел поразительно точное определение: *«Диковинный аналог средневековой инквизиции, когда чужую веру числят непростительным преступлением».*

Томский процесс стал тем редким случаем, когда ритуал был сорван. Когда один из жрецов — судья Галина Бутенко — отказался играть по навязанным правилам и совершил акт правосудия. Но этот единичный акт лишь подчеркнул трагедию всей системы. Он показал, насколько глубоко и всесторонне укоренилась эта система.

Тоталитарная система не прощает тех, кто идет против нее. Она не признает поражений, она мстит. И месть системы, последовавшая за оправдательным приговором по делу «Бхагавад-гиты», стала самым убедительным доказательством ее истинной природы. Те, кто осмелился в Томске встать на защиту закона и здравого смысла, заплатили за это своей карьерой, своей свободой, своей родиной. Мы уже разбирали, что произошло с Нелли Кречетовой, Андреем Кузичкиным, Николаем Карпицким и телекомпанией ТВ2.

Это не случайность. Это показательная расправа. Антикультовая система дала понять: любой, кто посмеет бросить ей вызов — будь то чиновник, омбудсмен или ученый, — будет уничтожен. Карьерно, юридически, морально. Будет выдавлен из профессии, из города, из страны.

Поражение в Томске не остановило конвейер. Оно его закалило. Дворкин и его покровители во власти сделали выводы. Они поняли, что для безотказной работы машины нужно усилить давление на судебную систему, расширить круг «карманных экспертов» и выбирать для атаки менее защищенные цели.

Технология, отработанная на «Бхагавад-гите», в последующие годы была применена с ужасающей эффективностью.

- **Против Свидетелей Иеговы.** Эта организация была удобна со всех сторон. За ними не стояло мощное иностранное государство, как за кришнаитами — Индия. В российском обществе благодаря многолетней пропаганде, в том числе и со стороны Дворкина, уже был сформирован устойчивый образ назойливых и странных «сектантов». Их пацифизм и отказ от службы в армии и переливания крови легко можно было представить как антигосударственную и антиобщественную деятельность. Конвейер Антикультовая система заработала с новой силой, но уже без ошибок. По всей стране, как под копирку, начали появляться судебные иски о признании их литературы экстремистской. Схема была до боли знакомой. Местные прокуроры, опираясь на заключения все тех же «карманных экспертов», находили «пропаганду исключительности» и «унижение достоинства» в их журналах и брошюрах. Суды, уже не проявляя томской строптивости, послушно штамповали запреты. Федеральный список экстремистских материалов начал пухнуть от десятков названий их публикаций. Это была тактика «тысячи порезов». Сначала организацию лишили ее идеологической основы, запретив практически всю литературу. Затем, на основании того, что местные общины «хранят и распространяют экстремистские материалы» (то есть свои же священные тексты), их начали одну за другой ликвидировать как экстремистские организации. Апофеозом стал 2017 год, когда Верховный суд России, обобщив эту порочную практику, признал экстремистской и запретил деятельность Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России и всех его 395 местных организаций. Сотни тысяч граждан России, не совершивших ни одного насильственного преступления, были объявлены вне закона. Их имущество было конфисковано, их дома молитвы отобраны. Начались массовые аресты, обыски, пытки. Людей отправляли в тюрьмы на шесть, семь, восемь лет просто за то, что они собирались вместе, читали Библию и обсуждали свою веру. То, что не удалось сделать с «Бхагавад-гитой», было с легкостью проделано со «Сторожевой башней». Система учла томские уроки и провела работу над ошибками. Международная реакция была, но вялая и неспособная остановить запущенный каток. Научное сообщество протестовало, но его уже никто не слушал. Суды работали как часы.

- **Против саентологов.** По той же схеме были инициированы уголовные дела против лидеров Саентологической церкви Москвы, их литература была

внесена в Федеральный список экстремистских материалов. Этим людей обвиняли в «незаконном предпринимательстве» и «мошенничестве».

- Против мусульман. Десятки книг исламских богословов были запрещены на основании заключений тех же «экспертов», которые находили «разжигание розни» в любой критике неверующих. Для них не было разницы между философией ненасилия и идеологией терроризма. Любой, кто мыслит «не так» — враг.

Дворкин сам, не стесняясь, озвучил эту стратегию тотального уничтожения: *«За прошлый год у нас в стране признали 54 наименования иеговистской литературы экстремистскими и внесли в федеральный список экстремистских материалов, сургутский суд уже в этом году саентологические материалы признал экстремистскими, идёт суд по признанию Фалуньгун экстремистской организацией в Краснодарском крае., так что какие-то... это самое начало... но один правильный алгоритм вырабатывается — если признаешь материалы, литературу секты экстремистскими материалами — это уже не регионально, это входит в федеральный список экстремистских материалов. Потому что закрыть одно отделение Саентологии, да они тут же 20 откроют под другими наименованиями. Если признаешь всю литературу экстремистской, то тогда всё — им деваться некуда».*

И государство, руками своих судей и прокуроров, начало планомерно реализовывать стратегию Дворкина.

Томский процесс был не просто судом над книгой. Это была диагностика. Он, как МРТ, показал наличие злокачественной опухоли в теле российского государства. Опухоли, которая, разрастаясь, пожирает остатки правосудия, свободы и здравого смысла. Эта опухоль — симбиоз идеологического фанатизма и государственного насилия, где «сектоведы» поставляют идею и цели, а силовики — обеспечивают исполнение.

В этой системе суд — не лекарство, а скальпель в руках безумного хирурга, который вырезает не болезнь, а здоровые органы. Он ампутирует свободу совести, калечит судьбы, сеет страх и ненависть. И пока эта система существует, пока конвейер ненависти работает, а его архитекторы и операторы остаются безнаказанными, ни один гражданин России, чья вера или убеждения отличаются от предписанных, не может чувствовать себя в безопасности.

Битва за «Бхагавад-гиту» была выиграна. Но война за право быть свободным в собственной стране только начиналась. И следующие главы этой войны оказались еще более кровавыми и беспощадными.

Глава 5.

Наследие революции: от идеологического террора к реальной войне

Есть два голоса.

Два периода.

Две России.

Первая — та, что ещё помнит Конституцию и право: «...даже Совет по делам религий в советское время не имел права контроля за деятельностью религиозных объединений... Конституция отделила религиозные объединения от государства, и государство не вмешивается во внутреннее устройство, в их внутренние дела и в то, как они решают вопросы». — Ремир Александрович Лопаткин (р. 1930), российский религиовед и социолог, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений РАНХиГС.

Вторая — та, что говорит голосом Евгения Никифорова: «На Украине болезнь настолько запущена, что никакими переговорами и соглашениями — ничем её там не вылечить. Там возможна только хирургия. Поэтому единственным ответом на это проявление нацизма может быть «Солнцепек» (огнемётная система). Этим людей нужно сжигать...». — директор православного радио «Радонеж», эфир телеканала «Спас» (фрагмент распространился в сети, август 2023 года).

Между этими голосами — пропасть. За короткий временной промежуток произошёл обвал: российская юстиция превратилась в руины, Конституция была попорана, судьбы тысяч людей искалечены, а города оказались в пепле, сожжённые уже не метафорическим, а реальным огнём. Первая цитата — голос академических

школ, голос права, напоминание о фундаментальных принципах светского государства, которые казались непоколебимыми. Вторая — голос новой реальности, где ненависть, воспитанная антикультистами, получила лицензию на массовое убийство и заговорила языком огнёмётов.

Путь от одной точки к другой не был ни долгим, ни случайным. Он был резким, логичным и пугающе быстрым. Машина идеологического террора, обкатанная в деле «Бхагавад-гиты», не остановилась. Она выиграла войну — войну за право называть чёрное белым, назначать врагов и уничтожать государства. Войну за узаконивание произвола. Яд, впрыснутый в общество под видом «борьбы с тоталитарными сектами», стал универсальным, распространившись на политику, СМИ и массовое сознание. Технология расчеловечивания, отточенная на кришнаитах, свидетелях Иеговы и саентологах, затем была перенесена на целый соседний народ.

Нормализация дегуманизации: как язык ненависти становится воздухом

Все начинается с языка. Тоталитаризм не приходит в страну в танковых колоннах. Он просачивается в неё через слова — через подмену понятий, через создание новояза, которые делит мир на «своих» и «чужих», на людей и недочеловеков. Через новояз, который заставляет ненависть звучать как патриотизм, насилие — как справедливость, а ложь — как добродетель. Через язык, в котором убийство становится «освобождением», а пытка — «восстановлением порядка».

Главный вклад Александра Дворкина и его секты в разрушение российского общества заключается даже не в сотнях сфабрикованных дел. Он заключается в том, что они создали и легализовали язык ненависти, сделали его нормой, ввели его в официальный лексикон государства.

Термины, которые Дворкин принес в Россию — «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «контроль сознания», «бомбардировка любовью» — не имеют чёткого научного определения и используются не как инструменты анализа, а как инструменты клеймения. Это ярлыки, призванные не объяснить явление, а вызвать к нему мгновенное отвращение, страх и агрессию. Назвав группу «тоталитарной сектой», можно больше ничего не объяснять. Враг назначен. Не

вдаваясь в теологические или научные тонкости, он мгновенно выводил любую группу за пределы правового и человеческого поля. «Сектант» в этой парадигме — это не человек с иными убеждениями. Это — не-человек. Это «зомби», лишенный собственной воли, жертва «контроля сознания». Это опасный фанатик, готовый на ритуальные убийства и человеческие жертвоприношения. Это шпион, «агент влияния» иностранного государства. С ним нельзя вести диалог, его невозможно переубедить. Его можно только «спасать» насильно или уничтожать.

Система перестала видеть в людях граждан, обладающих правами. Она научилась видеть ярлыки. В своих книгах и лекциях Дворкин с садистским наслаждением описывает «жертв сект» как безвольных, обезличенных существ, потерявших человеческий облик. Вот как он, например, рисует образ последователей неопятидесятничества: *«Достаточно взглянуть на то, что творится в ходе любого неопятидесятнического собрания, как эти люди бьются в конвульсиях, падая на пол и утрачивая членораздельную речь, как они часами хохочут или вообще впадают в каталептический транс, чтобы понять, насколько пребывание в этой секте опасно для человеческой психики»*.

Это не описание, это расчеловечивание. Люди, переживающие религиозный экстаз (явление, известное в истории всех религий, включая православный исихазм), представлены как пациенты сумасшедшего дома. Точно так же последователи «Бхагавад-гиты», согласно «экспертизе» томских филологов, не просто верующие, а носители идеологии, которая учит, что все остальные — «ослы, бараны, свиньи».

Но самое страшное последствие этой многолетней кампании по разжиганию ненависти — не в судебных приговорах и не в запрещенных книгах. Оно — в изменении самого общественного сознания. Когда на протяжении десятилетий людям внушают, что они окружены врагами, что любая непохожесть — это угроза, а любой диалог — проявление слабости, в обществе происходит опаснейшая трансформация. Нетерпимость становится нормой. Агрессия — доблестью. А насилие — легитимным и даже единственно возможным способом решения проблем.

Александр Дворкин и его антикультовая сеть сыграли в этой трансформации ключевую, зловещую роль. Они не просто боролись с «сектами». Они учили общество ненавидеть. Они нормализовали язык вражды, сделав его приемлемым в публичном пространстве. Они приучили силовиков и судей к мысли, что ради

«высшей цели» — защиты «традиционных ценностей» — можно и нужно нарушать закон.

Нельзя просто так снести дом человека. Но можно снести «гнездо сектантов». Нельзя посадить в тюрьму человека за то, что он читает Библию. Но можно и нужно изолировать от общества опасного «экстремиста». Нельзя убить человека. Но можно «уничтожить врага». Когда государство — в лице Министерства юстиции, прокуратуры и судов — принимает этот язык на вооружение, дегуманизация становится государственной политикой. Ярлык, придуманный самозванным «сектоведом», превращается в юридический статус. Человек или целая община, заклеянные как «экстремистские», официально лишаются права на существование. Их вычеркивают из числа полноправных граждан. Они становятся «внутренними врагами» — диверсантами, угрозой «духовной безопасности».

Этот процесс, отточенный на религиозных меньшинствах, создал в российском обществе опасный прецедент. Он научил миллионы людей тому, что есть категории сограждан, которых можно ненавидеть легально. Которых можно травить в СМИ, увольнять с работы, чьи дома можно отбирать, а их самих — сажать в тюрьмы. Он создал привычку к ненависти, сделал ее фоновым шумом повседневной жизни. Когда по центральному телевидению начинаются ток-шоу, где с пеной у рта клеймят очередных «сектантов», это уже не воспринимается как дикость. Это норма. Общество привыкает жить в атмосфере гражданской войны низкой интенсивности.

Именно эта привычка, эта нормализация ненависти, эта готовность делить сограждан на «правильных» и «неправильных» и стала той благодатной почвой, на которой позже взошли семена куда более страшной, уже не внутренней, а внешней войны.

Масштабирование ненависти: от «сект» к «нацистам»

Технология расчеловечивания универсальна. Матрица, однажды созданная и апробированная, может быть с легкостью скопирована и применена к любой другой группе. Меняется лишь название врага. Принципы остаются теми же.

Давайте сравним риторику, которая использовалась для борьбы с «тоталитарными сектами» внутри России, с той, что стала официальной

идеологией для оправдания вторжения в Украину. Параллели поражают своей точностью.

Анализ официальной риторики выявляет поразительное сходство в способах конструирования образа врага. Как в случае с религиозными группами, объявленными «деструктивными сектами», так и в отношении Украины используется схожий набор пропагандистских приёмов.

Концепция внешнего управления занимает центральное место в обоих дискурсах. Религиозные организации представляются как «агенты влияния Запада», «проекты ЦРУ» или «сети влияния иностранных правительств». Аналогичным образом Украина изображается как «марионетка Вашингтона», лишённая собственной субъектности и действующая исключительно под «внешним управлением».

Дегуманизация объектов критики проявляется через схожие языковые конструкции. Последователи религиозных движений описываются как «зомбированные адепты», люди с поврежденной психикой, фактически утратившие человеческие качества. В отношении украинцев применяется ещё более жёсткая терминология: «нацисты», «наркоманы», «сатанисты», «укрофашисты» — термины, выводящие объект за пределы человеческого сообщества.

Идеологическая неполноценность становится ключевым обвинением. Религиозные группы клеймятся как «псевдорелигии» и «деструктивные культы», отошедшие от «традиционных ценностей». Украина объявляется «искусственным государством» с «неправильной» историей, отвергшим «русский мир».

Конструирование экзистенциальной угрозы служит оправданием репрессивных мер. «Секты» угрожают «духовной безопасности» и «национальной идентичности», Украина — «физическому существованию» России.

Миссия «освобождения» придаёт репрессиям благородный смысл. В первом случае это «спасение» людей из «рабства секты» и их «депрограммирование», во втором — «освобождение угнетённого народа» от «нацистского режима».

Наконец, оба дискурса **легитимируют насилие**: превентивные запреты и уголовное преследование для «защиты общества» в одном случае, «специальную военную операцию» для «денацификации и демилитаризации» — в другом.

Сходство не случайно. Оно системно. Механизм, годами оттачивавшийся на «внутреннем враге», был без изменений применен к врагу внешнему. Люди, привыкшие видеть «агентов ЦРУ» в мирных кришнаитах, с легкостью поверили, что вся соседняя страна — это сборище «нацистов», управляемых из Вашингтона. Люди, которым годами объясняли, что «секты» разрушают «традиционные ценности», с готовностью приняли тезис о том, что Украина угрожает самому существованию России.

Язык ненависти, который в «экспертных заключениях» по делу «Бхагавад-гиты» еще пытался маскироваться под наукообразие, в пропаганде 2022 года сбросил все маски и заговорил в полный голос. Но его грамматика, его синтаксис остались прежними. Это грамматика тотальной войны, где нет места диалогу, нет места сомнению, а есть только одна задача — полное и безоговорочное уничтожение врага, который заранее объявлен абсолютным злом.

И здесь мы подходим к самой мрачной вершине этого процесса. К тому этапу, когда начавшаяся с дегуманизации инакомыслящих кампания неизбежно приводит к самым страшным последствиям — когда риторика, родившаяся в кругах «сектоведов», приводит к насилию.

Вспомним еще раз нацистского теолога Вальтера Кюннета, идейного предтечу Дворкина, который, поставляя гестапо списки «сект» для уничтожения, цинично заявлял, что *«даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему»*. Это философия, оправдывающая любое, самое чудовищное насилие высшей, благородной целью. А теперь послушаем, как эта философия звучит в исполнении современных российских «патриотов», выросших на идеологии Дворкина.

Евгений Никифоров, директор православной радиостанции «Радонеж», ближайший соратник Дворкина и участник его антисектантских конференций, в одном из эфиров, посвященных войне в Украине, произносит слова, от которых стынет кровь:

«На Украине болезнь так запущена, что уже никакими уговорами, переговорами — ничем это излечить невозможно. Там возможна только хирургия. Поэтому ответ на эти выступления нацистов может быть одним — "Солнцепёк". Это нужно выжигать, совершенно... И всякие «ой, да это же не по-христиански» — это вполне по-христиански. Эти люди просто ведут себя как язычники и должны воспринимать это как язычники. Для этого нужна не

новозаветная этика, а ветхозаветная. Илия-пророк, который лично взял и перерезал горло тамошним служителям Ваала. И с этими людьми то же самое — их нужно уничтожать при малейшем сомнении...». *Только ветхозаветная этика! И они только этот язык и понимают*».

«Солнцепек» — это тяжелая огнеметная система, оружие объемного взрыва, выжигающее все живое на огромной площади. Человек, называющий себя православным журналистом, открыто публично призывает к массовому уничтожению людей с помощью одного из самых страшных видов неядерного оружия. Логика «борьбы с сектами» достигла своего апогея. Несогласные — это болезнь. А болезнь нужно лечить. Хирургически. Огнем.

Слова томских «экспертов» о том, что комментарии к «Бхагавад-гите» «пропагандируют неполноценность» некришнаитов, и призыв Никифорова сжигать украинцев «Солнцепеками» — это звенья одной цепи. Это одна и та же ненависть, лишь изменившая масштаб. Технология дегуманизации, успешно апробированная на «внутреннем враге», была с легкостью экспортирована для оправдания геноцида за пределами страны.

Созданная Дворкиным атмосфера вражды и нетерпимости стала той питательной средой, в которой и смогла прорасти идеология войны. Общество, приученное к тому, что можно безнаказанно травить, сажать в тюрьмы и лишать имущества своих сограждан только за то, что они верят «не так», оказалось психологически готовым к тому, чтобы принять и оправдать агрессию против целого соседнего народа.

Война против инакомыслия внутри страны неизбежно перерастает в войну против внешнего мира. Идеологический террор, отточенный на «сектантах», становится универсальным инструментом государственной политики, как внутренней, так и внешней. В этом и заключается самое страшное, самое кровавое наследие Александра Дворкина и его секты. Они были не просто «борцами с культами». Они были саперами, которые годами минировали российское общество, закладывая под его фундамент мины ненависти, ксенофобии и нетерпимости. И в 2022 году эти мины сдетонировали.

Наследие ненависти: Выжженная земля

Каково же наследие этой многолетней войны с инакомыслием, развязанной под знаменем «сектоборчества»? Оно многогранно и ужасно.

1. Уничтожение правового государства. Самый страшный результат — это разрушение фундаментальных основ права. Когда закон используется не как мера справедливости, а как дубина, когда суд становится ритуалом, а экспертиза — доносом, государство перестает быть правовым. Оно превращается в инструмент произвола, в машину подавления, где любой гражданин беззащитен перед волей тех, кто обладает властью. Прецеденты, созданные в делах против религиозных меньшинств, стали нормой, которая теперь применяется ко всем: к политическим активистам, к журналистам, к ученым, к любому, кто осмелится мыслить самостоятельно.

2. Атомизация и раскол общества. Годами насаждавшаяся идеология «осажденной крепости», окруженной внешними и внутренними врагами, привела к катастрофической деградации общества. Атмосфера тотальной подозрительности, доноительства, поисков «агентов» и «предателей» разрушила социальные связи, уничтожила доверие. Сосед перестал доверять соседу, ученик — учителю. Общество, которое должно быть единым организмом, было искусственно расколото на враждующие лагеря. Эта внутренняя вражда, этот накопленный потенциал ненависти стал тем самым горючим, которое с такой легкостью вспыхнуло, когда пропаганда указала на нового, внешнего врага.

3. Интеллектуальная и духовная деградация. Война с «сектами» была войной с любой альтернативной мыслью. Запрещались книги, закрывались образовательные центры, выдавливались из страны ученые и философы. Любая попытка выйти за рамки узкой, консервативной, одобренной государством идеологии объявлялась «деструктивной». Это привело к чудовищному интеллектуальному оскудению. В стране, где судят «Бхагавад-гиту», где йогу в тюрьмах предлагают запретить, потому что она может привести к «неконтролируемому сексуальному возбуждению», не может быть ни свободной науки, ни свободной философии, ни свободного искусства. Общество, лишенное кислорода свободной мысли, обречено на застой и деградацию.

4. Расправа над несогласными и цена совести. Наследие ненависти — это не только абстрактные процессы, но и вполне конкретные, сломанные человеческие судьбы. Истории Нелли Кречетовой, Андрея Кузичкина, Николая Карпицкого, которые мы подробно описывали, — это не исключение. Это правило.

Система беспощадно уничтожает любого, кто пытается сохранить честь и совесть. Она выдавливает из страны лучших, самых честных и смелых, оставляя у руля угодливых, циничных и людей «по инструкции». Это отрицательная селекция, которая ведет к необратимому разрушению человеческого капитала страны.

И здесь мы подходим к ключевому механизму этой системы.

Мы увидели банальность зла, о которой писала Ханна Арендт. Палачами становятся не демонические злодеи, а обычные, серые люди. Профессора, которые ради прибавки к зарплате или из страха перед начальством подписывают лживую экспертизу. Прокуроры, которые, чтобы не портить отношения с ФСБ, несут в суд заведомо абсурдное обвинение. Судьи, которые, чтобы не создавать себе проблем, штампуют обвинительные приговоры. Никто из них, возможно, лично не ненавидит кришнаитов или Свидетелей Иеговы. Они просто «делают свою работу». Они — винтики в конвейере. Но именно из их маленького конформизма, из их трусости и равнодушия и складывается большое, системное зло.

5. Моральное оправдание войны. И, наконец, самое страшное наследие — это созданная и отлаженная машина по производству моральных оправданий для любого, самого чудовищного государственного преступления. Механизм, который вчера доказывал «экстремизм» Свидетелей Иеговы, сегодня с той же легкостью доказывает «нацизм» украинцев. Логика, которая вчера оправдывала снос домов кришнаитов в Кандинке, сегодня оправдывает стирание с лица земли города Бахмута. Ведь если можно сжечь дом соседа-«сектанта» во имя «чистоты веры», то почему нельзя сбросить бомбу на город соседей-«нацистов» во имя «правильной» идеологии? Механизм мышления — один и тот же. Язык, на котором «эксперты» писали свои доносы, стал языком, на котором дикторы центральных каналов призывают к геноциду.

Фабрика ненависти, запущенная когда-то для решения локальных задач по устранению идеологических конкурентов, превратилась в ключевой элемент военной машины, поставляющий ей самое важное — уверенность в собственной правоте. Уверенность в том, что ты не агрессор, а освободитель. Не убийца, а хирург, вырезающий «нацистскую опухоль». Уверенность в том, что твой «Солнцепек», выжигающий города, — это и есть высшее проявление «любви к ближнему».

Это и есть главное, самое страшное наследие секты «сектоборцев». Они не просто разрушали судьбы. Они разрушали совесть. Они отравили душу целой

нации, убедив ее в том, что ненависть может быть священной, а война — справедливой. И расплачиваться за это отравление придется не одному поколению.

Заключение

Томское дело о «Бхагавад-гите» оказалось не исключением, а частью системы. Локальный конфликт с участием активиста Максима Степаненко перерос в международный скандал из-за сфабрикованных экспертиз, авторы которых признавались в некомпетентности и плагиате.

За этим стояла структура, созданная Александром Дворкиным — разветвленная сеть «сектоборцев», использующая связи в церкви и спецслужбах. Методы напоминают практики нацистского теолога Вальтера Кюннета, составлявшего «черные списки» для гестапо.

Система превратила суд в инструмент расправы. Язык ненависти, отточенный на «сектантах», стал универсальным: технология расчеловечивания, вчера применявшаяся к Свидетелям Иеговы, сегодня используется против целого народа. Логика, оправдывавшая снос домов в Кандинке, теперь оправдывает разрушение украинских городов.

Что в итоге? Каков результат этого многолетнего эксперимента по насаждению ненависти?

Он страшен. Это разрушенное правовое поле, где Конституция стала фикцией, а любой человек беззащитен перед произволом. Это расколотое, разобщённое общество, отравленное ядом подозрительности и доносительства. Это подавление инакомыслия через обвинения в «экстремизме».

И, наконец, это моральная катастрофа, легитимизация войны как способа решения проблем.

Но есть ли в этой мрачной картине хоть проблеск надежды? Парадоксально, но да. И этот проблеск — то самое дело, с которого мы начали. Дело «Бхагавад-гиты». Оно показало, что даже самая отлаженная машина репрессий может дать сбой. Что мужество одного судьи, профессионализм нескольких адвокатов, солидарность десятков ученых и внимание сотен журналистов могут остановить

беззаконие. Оно доказало, что правда, даже загнанная в угол, все еще является силой.

Эта книга — предупреждение. Предупреждение о том, как легко общество, находящееся под влиянием пропаганды, может скатиться в бездну тоталитаризма. Эта книга — обращение к бдительности, к критическому мышлению, к неприятию лжи, в какие бы наукообразные или патриотические одежды она ни рядилась.

История не закончена. Антикультовый конвейер ненависти продолжает работать. Но теперь мы знаем, как он устроен. Мы знаем имена его конструкторов. И знание — это первый шаг к сопротивлению. Первый шаг к тому, чтобы однажды эта фабрика лжи была остановлена навсегда, а ее продукция — сфабрикованные дела и приговоры — была отправлена на свалку истории, где ей и место. Рядом с трудами средневековых инквизиторов и отчетами офицеров гестапо.

История, рассказанная на этих страницах, — это не просто журналистское расследование. Это разоблачение системы, построенной на лжи и ненависти. Но это и выбор. Выбор, который стоит перед каждым из нас, перед каждым читателем.

Можно закрыть эту книгу и забыть. Сказать себе, что это не моя проблема. Что это касается каких-то странных «сектантов», далеких и непонятных. Что меня это никогда не коснется. И тем самым — стать молчаливым соучастником. Позволить антикультовой машине работать дальше, набирать обороты, пожирать все новые и новые жертвы. Стоять в стороне и наблюдать, как твою страну превращают в царство мрака и произвола.

А можно сделать другой выбор. Можно понять, что зло, которому позволяют твориться в отношении одного, неизбежно придет за всеми. Что битва за «Бхагавад-гиту» в далеком Томске была битвой за право каждого из нас читать те книги, которые мы хотим читать. Верить в то, во что мы хотим верить. Думать так, как мы хотим думать. Что судьбы уволенных профессоров, изгнанных чиновников и посаженных в тюрьмы верующих — это не их личная трагедия, а наша общая боль и наш общий позор.

Как сказал Мартин Нимёллер:

«Сначала они пришли за социалистами, и я молчал — потому что я не был социалистом.

Затем они пришли за членами профсоюза, и я молчал — потому что я не был членом профсоюза.

Затем они пришли за евреями, и я молчал — потому что я не был евреем.

Затем они пришли за мной — и не осталось никого, чтобы говорить за меня».

Помните, что сначала вы становитесь молчаливыми соучастниками преступления, а потом их жертвами.

Эта книга — попытка задать вопрос, обращённый к каждому из нас. Остаётся ли у человека пространство для нравственного выбора в мире, где границы добра и зла становятся всё менее отчётливыми? Где проходит та незримая линия между равнодушием и внутренним сопротивлением, между согласием и попыткой сказать «нет» насилию, несправедливости, унижению других?

Там, где исчезают голоса несогласных, особенно легко торжествуют жестокость и зло. И бывает так, что, ничего не заметив, человек сам оказывается причастным к чужой боли — просто потому, что в нужный момент промолчал или прошёл мимо.

Возможно, самый главный выбор совершается тихо, каждый день — в словах, в поступках, иногда просто в честном взгляде на происходящее. Лишённый пафоса, но очень важный выбор: сохранить в себе человека и не позволять себе превращаться в безучастного наблюдателя зла.

Источники

1. Answers Without Questions. (2016, 20 августа). Kommentar zu: pax christi Präsident Bischof Heinz Josef Algermissen: „Atomwaffen abschaffen“. AWQ.de. <https://www.awq.de/2016/08/pax-christi-praesident-algermissen-atomwaffen-abschaffen/>
2. Corley, F. (2012, January 5). RUSSIA: Has “madness” of banning religious publications been stopped? Forum 18 News Service. https://www.forum18.org/archive.php?article_id=1652
3. Nikolai Karpitsky — философское мнение. (2016). Карпицкий Н. Н. Интервью о суде над Бхагавад-гитой, Харьков, 2016 [Видео]. YouTube. <https://youtu.be/yMZiJHl49t8>
4. Nikolai Karpitsky — философское мнение. (2016). Карпицкий Н. Н. Интервью о суде над Бхагавад-гитой, Харьков, 2016 [Видео]. YouTube. <https://youtu.be/yMZiJHl49t8>
5. Nikolai Karpitsky — философское мнение. (2016, 8 июня). Карпицкий Н.Н. на томском телевидении о суде над Бхагавад-гитой 2011-2012 г. [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=16GNDWh-Xaw&t=2s>
6. Nikolai Karpitsky — философское мнение. (2013, 13 августа). Карпицкий Н. Н. о суде над Бхагавад-гитой 13.08.2013. [Видео]. YouTube. <https://youtu.be/ZruxPfs44Lo>
7. Бачина, М. (2012, 20 марта). Кришнаит — значит, экстремист? Radio Europa Liberă (Молдова). <https://moldova.europalibera.org/a/24522310.html>
8. Блокнот. (2023, 9 апреля). «По-христиански вполне!»: на «Спасе» призвали действовать против украинцев согласно Ветхому завету и выжигать их «Солнцепёком». Блокнот. <https://bloknot.ru/obshhestvo/po-hristianski-vpolne-na-spase-prizvali-dejstvovat-protiv-ukraintsev-soglasno-vethomu-zavetu-i-vy-zhigat-ih-solntsepekom-1087874.html>
9. Карпицкий, Н. (2012, 2 января). Кто настоящий инициатор суда над книгой «Бхагавад-гита как она есть»? LiveJournal. <https://karpitsky.livejournal.com/63223.html>

10. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 8 апреля). Садисты в законе. Тоталитарная секта Дворкина. ActFiles-Supporters. <https://actfiles-supporters.org/cadisty-v-zakone-totalitarnaya-sekta-dvorkina/>
11. Крамаренко, Д. (2024, 8 июля). Самая большая детская больница Украины. Что известно об «Охматдете» в Киеве. РБК-Украина. <https://www.rbc.ua/ukr/news/naybilsha-dityacha-likarnya-ukrayini-shcho-1720434611.html>
12. Краснов, А. (2011, 19 августа). Ученые не смогли доказать наличие экстремизма в «Бхагавад-гите как она есть». GlobalSib. <https://globalsib.com/11485/>
13. Краснов, А. (2011, 13 августа). Признать «Бхагавад-гиту» экстремистской с первого раза не удалось (Томск). GlobalSib. <https://globalsib.com/11432/>
14. Кузьмин, А. (2010, 14 мая). Секты создают свои «правозащитные» организации. ANSOBOR.ru (Миссионерский отдел Новосибирской епархии). https://www.ansobor.ru/news.php?news_id=988
15. Кураев, А. В. (2023, 3 августа). Не удивлён. LiveJournal. <https://diak-kuraev.livejournal.com/4170567.html>
16. Леваненков, С. (2011, 3 октября). Томский омбудсмен не считает книгу «Бхагавад-гита» экстремистской. Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). https://rapsinews.ru/judicial_news/20111003/255972879.html
17. Мельников, А. (2012, 18 января). Дело за Кришной. Независимая газета. https://www.ng.ru/society/2012-01-18/5_krishna.html
18. Миссионерско-апологетический проект «К Истине». (2013, 5 апреля). Ииуйю пора вытолкнуть Иезавель Кречетову из окна [Заметка рубрики «На злобу дня»]. K-istine.ru. https://k-istine.ru/daily_reflection/daily_reflection-146.htm
19. Нефёдова, М. (2010, 16 ноября). Александр Дворкин: настоящий хиппи. Правмир. <https://www.pravmir.ru/aleksandr-dvorkin-nastoyashhiy-xippi/>
20. Общественное телевидение России. (2014, 13 октября). Профессора Югорского госуниверситета уволили за отпуск на Украине. ОТР. <https://otr-online.ru/news/professora-yugorskogo-gosuniversiteta-35577.html>

21. Пресс-конференция «Тоталитарные секты: угроза личности, семье, обществу и государству». (2012, 21 февраля). Стенограмма пресс-конференции (отредактированная и исправленная). ИА «Интерфакс-Сибирь»; k-istine.ru. https://k-istine.ru/apologia/apologia_dvorkin_in_tomsk-2012-02.htm
22. Радонеж. (2013, 8 января). Претензии прокуратуры к кришнаитскому переводу и толкованию «Бхагавад-гиты» правомерны, считает Александр Дворкин. Радонеж.ру. <https://radonezh.ru/news/pretenzii-prokuratury-k-krishnaitskomu-perevodu-i-tolkovaniyu-bkhagavad-gity-pravomerny-schitaet-8999.html>
23. Редакция vtomske.ru. (2012, 25 февраля). Вопрос ученому: в чем виновата «Бхагавад-гита»? vtomske.ru. <https://vtomske.ru/details/44684-vopros-uchenu-mu-v-chem-vinovata-bhagavad-gita>
24. Скальский, А. (2013, 23 сентября). Дворкин apparatus. Критическая ситуация. Babr24. <https://babr24.com/?IDE=112188>
25. Судебный процесс над «Бхагавад-гитой как она есть». В Википедия.
26. Телеканал Дождь. (2025, 30 января). Тут жили люди. Истории жителей Мариуполя, Бахмута, Покровска и Авдеевки, уничтоженных Россией [Видео]. YouTube. <https://youtu.be/O-NpD1aY9FY>
27. Тимощук, А. С., & Филькин, К. Н. (2013). Казус суда над Бхагавад-гитой Свами Прабхупады: генезис, анализ, реакция общественности и медиа. Вестник Томского государственного университета. История, 4(24), 178–184. Текст статьи доступен в электронной библиотеке КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazus-suda-nad-bhagavad-gitoy-svami-prabhupady-genezis-analiz-reaktsiya-obschestvennosti-i-media>
28. Тимощук, А. С., & Филькин, К. Н. (2013). Казус суда над Бхагавад-гитой Свами Прабхупады: Генезис, анализ, реакция общественности и медиа. Вестник Томского государственного университета. История, (4(24)), 178–184. https://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=919&article_id=1323
29. Фищук, А. А. (2023, 2 июня). Как доказать заведомую ложность заключения эксперта по результатам религиоведческой экспертизы. Pravorub.ru. <https://pravorub.ru/articles/101885.html>

30. Шакиров, М. (2009, 10 апреля). Экспертов подвергли анализу. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/1606433.html>
31. Центр «Сова». (2009, 14 апреля). Прокуратура отказала кришнаитам в возбуждении уголовного дела против руководителя миссионерского отдела Томской епархии. Информационно-аналитический центр «Сова». <https://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2009/04/d15748/>
32. Юридический комитет защиты прав и достоинства личности при Российской ассоциации центров исследования религий и сект. (2011, 14 октября). Уполномоченный по правам человека по Томской области Нелли Кречетова противопоставляет себя гражданам России [Пресс-релиз]. Миссионерско-апологетический проект «К Истине». https://k-istine.ru/daily_reflection/daily_reflection-146.htm